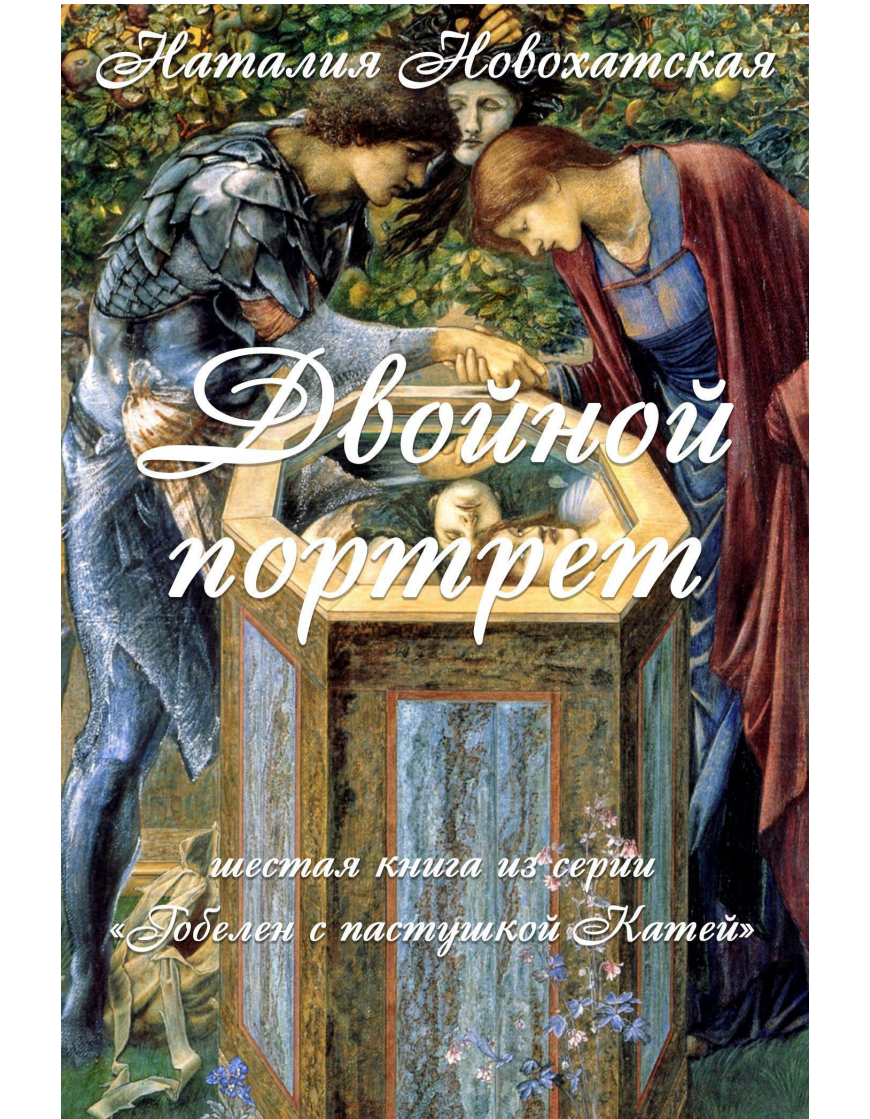

Наталия Новохатская

Двойной портрет

*шестая книга из серии
«Тобелен с пастушкой Катей»*

Наталия И. Новохатская

Гобелен с пастушкой Катей.

Книга 6. Двойной портрет

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57182013

Гобелен с пастушкой Катей. Книга 6. Двойной портрет: Aegitas;

Москва; 2020

ISBN 978-0-3694-0325-4

Аннотация

В самом начале нового века, а может быть и в конце старого (на самом деле все подряд путались в сроках наступления миллениума), Катя Малышева получила от бывшего компаньона Валентина поручение, точнее он попросил оказать ему платную любезность, а именно познакомиться с заслуженной старой дамой, на которую никто в агентстве «Аргус» не мог угодить. Катя без особой охоты взялась за дело, однако очень скоро оно стало усложняться. Водоворот событий увлек Катю за собой, а Валентину пришлось её искать в печальных сомнениях жива она или уже нет...

Содержание

Часть 1	5
Глава первая	5
Глава вторая	44
Глава третья	82
Глава четвертая	117
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Наталия Новохатская

Гобелен с пастушкой Катей

Книга 6

Двойной портрет

* * *

Все права защищены. Охраняется законом РФ об авторском праве. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Новохатская Н. И., 2020

© Издательство «Aegitas», 2020

Часть 1

Тамара и Демон

Глава первая

№ 1. Катя Малышева (от первого лица)

Троллейбус плыл по Москве сквозь лиловые сумерки, я сидела у окна на колесе и плавно покачивалась в такт движению. За дымчатым стеклом возникали и отъезжали картинки центра, в них включались цветные рекламы, я лениво провожала глазами знакомые виды, а где-то в глубине подсознания формировалась странная мелодия, очень скоро она вышла вонне и стала ритмом. Его я отбивала ногой, едва достающей до полу. (Сиденье на колесе, если кто не помнит, оно довольно высокое.)

Сумерки быстро густели, картинки за окном становились ярче, и ритм стал руководить носком туфли совершенно отчетливо.

«Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Уйдут машины в яростный поход!

Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведёт!»

Вот это и был тот самый марш, такое музыкальное воплощение резво стучало моею левой ногой по полу троллейбуса, не слабо, однако. Но слова, плотно упавшие в бравурную ретро-музыку, они меня совершенно подкосили.

«О подвигах, о доблести, о славе

Я забывал на горестной земле» – уходили, как машины в яростный поход, великие, мало того, любимые, заветные строчки.

«Когда передо мной в простой оправе
Твое лицо сияло на столе!»

И хамски повторялись, как залихватский припев под стук невидимых копыт: «Твое лицо сияло на столе!»

«Ужас!» – призналась я себе покаянно, но отбивать ритм и цитировать Александра Блока не перестала, напротив. К бравой музыке добавились хриплые завывания мужской мелодекламации.

«Но час настал, и Ты ушла из дома!

Я бросил в ночь заветное кольцо!

Ты отдала свою судьбу другому,

И я забыл прекрасное лицо!» – вот что пелось в охотку с неясным самолюбованием.

Вот он едет на рысях, подгоняя коня плеткой, и голосит

в пространство, что: «Я забы-ыл прекрасное лицо!» с чувством исполненного долга. Я честно попробовала взять себя в руки и прекратить пошлое безобразие, оно отчаянно рвалось из глубины души неизвестно с чего.

«Ну, нельзя же так, милочка, ведь это постмодернизм какой-то выходит, вернее, выпевається», – уговаривала я себя рациональными частями сознания. – «Едешь себе на общественном транспорте исполнять дело, денежное, хотя не слишком приятное, ну и потерпи, нечего уродовать заветные тексты от одной дорожной скуки. Не к лицу это более или менее образованному человеку».

Но тщетно, никто в глубине личного подсознания внимать не желал, голосил всё более пошлыми переливами. Нога тем временем продолжала держать лихой ритм про блеск стали и упомянутого не к ночи генералиссимуса.

«Летели дни, крутятся проклятым роем,

Вино и страсть терзали жизнь мою!» – признавался исполнитель хрипло и мужественно, потом даже всхлипнул от наплыва чувств.

«И вспомнил я Тебя пред аналоем,

И звал тебя, как молодость мою!»

«Ничего не сделаешь, раз понесло вразнос, ну и ладно», – веско внушило рациональное сознание на периферии чувств. – «Пой, светик, не стыдись, потом разберешься, с че-

го нас разобрало на песни». И беззвучный концерт на одну персону продолжался у троллейбусного окна уже без стыда и совести, вернее будет сказать, что концертмейстер старался на совесть, выходило нечто несусветное, но удовольствие доставалось отменное, хотя порочное донельзя.

«Я звал Тебя, но Ты не оглянулась», – звучал пошлый романс в ритме марша, упрёк вздорной бабёшке мешался с чувством сдержанного, но явного мужского превосходства. Видишь, я слезы лил, а ты...

«Я слезы лил, но Ты не снизошла!
Ты с синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла!»

И действительно, вечер выдался сырой, как всё лето 2000-го года, влага висела в воздухе постоянно, если не лилась с неба дождем. Я тоже ехала в троллейбусе в мокрые сумерки, и вечерние огни расплывались в мельчайших каплях. Вот она, первая точка совпадения, обрадовалась я, слегка доехав до синего плаща, она туда и ушла, в сырую ночь. А у меня в руках скомканный влажный зонт, правда, ярко-розовый, синего не нашлось, обычный куда-то подевался, пришлось брать неприличный запасной.

«Не знаю, где приют своей гордыне», – между тем пенял и попрекал голос зарвавшегося исполнителя.

«Ты мила-я, Ты нежна-я, нашла!

Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором Ты в сырую ночь ушла!»

Вот и приехали, вернее сказать, что до места назначения мы с музыкой доехали почти что совсем. И откуда она взялась, вернее, не музыка, а текст, я тоже доехала. Культурнее будет сказать, что сообразила, и на том спасибо Творцу за мелкие радости.

Песня рогоносца-кавалериста перешла в замороченной голове на фон, я почти успокоилась и прочла себе нотацию в прозе. Никогда лишним не будет, в особенности после неожиданных выплесков из богатых запасов нерационального. Но всему своё время, ныне оно подошло для нотации. Итак, милочка...

«Зовут вас Малышева Екатерина Дмитриевна, лет вам гораздо больше, чем хотелось бы, а ума, напротив, гораздо менее, чем следует! Отчего возникают вечные проблемы. Большую часть своей сознательной жизни вы занимались массовой беллетристикой по разным издательствам, что никому из присутствующих чести не делает, ибо указанное занятие, оно весьма неблагодарное, хоть и малопочтенное. Но и это не всё, увы!

Последний десяток лет, совпавших в этой милой стране со временем радикальных перемен, вы, милочка, нашли себе занятие ещё более странное и гадкое, Катя Дмитриевна, право же. А именно. Стали совать нос в откровенно чужие де-

ла, и деньги за это получали, к тому же под крышей сыскного агентства по имени „Аргус“. Оправданием может служить лишь одно, ваша программа вертелась вокруг чужих личных и частных дел, которые доверялись самими потерпевшими.

Приходили удрученные женщины, просили помощи и совета в любовных и семейных делах. И получали, чего просили, это надо честно признать. Катя Дмитриевна, хотя существо отменно неумное, в чужих делах копалась честно и уместно, заветы Гиппократы блюла, никому зла не причиняла, во всяком случае, сознательно. Это ей и вам, милочка, плюс. Но, как был, так и остался один большой минус, вот он. Иногда в порывах деловых восторгов наш компаньон, бывший друг, некто Валя, по кличке Отче Валентин, давал вам странные задания по части его, отнюдь не семейного, а напротив – детективного сыска. А он, друг Валя, вообще-то всегда занимался делами довольно всякими и разными. Лучше не будем уточнять.

Особенно, если ваш друг Валя получал задания от своего шефа Павла Петровича, вашего хорошего знакомого и бывшего родственника. Как сложно, однако, у нас переплелось, ну и пёс с ним! Точнее, с ними с обоими.

А еще, и это следует запомнить прежде всего, у вас имеется какой-никакой муж, живописец Михаил Званский, а самое главное, сын – маленький мальчик Мика четырех лет. Вот о нём не следует забывать ни на минуту, если вас посещают моменты увлечения. Особенно, если прежние дружки

Валя с Пашей послали на дело, как бывало раньше.

Вот сейчас, например. Едете в троллейбусе в гости к незнакомому человеку с крайне неприятным поручением и о чём думаете? То-то и оно. Песни поете, как Бурлакова Фрося в известном фильме, „слова и музыка народные“, „гремя огнем, сверкая блеском стали“, „он бросил в ночь заветное кольцо“ – о чем речь?

Правильно, увлекаетесь, душа моя Катенька. Сознание ваше с подсознанием, оба глупые донельзя, уже включились в ситуацию. Потому что у клиента, который вас ждет с отвращением, супруга тоже ушла в сырую ночь, непонятно во что завернувшись. А задание по ним давал маршал женского пола, это уж точно, „сверкая блеском стали“!

Любочка Борисовна, семидесяти шести лет отроду, и как огурчик, адвокат с полувековым стажем загадок и насилия, но какая обаятельная сирена-Цирцея! Вот по дороге от неё к дому клиента вы и распелись! Ку-ку!»

№ 2. Картинка предшествующая, взгляд из пространства, кто смотрел – Бог весть

Мутная, размытая картина дачной природы была и оставалась в невыразительных серо-зеленых тонах. Небо и воздух, земля и растения, всё вокруг подернулось мелкой влажной дымкой и моросью. О да, дождливое лето 2000 года от РХ.

Наблюдатель в кустах мог промокнуть до основания, не экипируйся он в старую промасленную куртку с капюшоном и в древние резиновые сапоги (в англоязычных текстах такие обувки именуются «веллингтонами», надо думать, что в честь одного известного полководца). Однако тайный гость экипировался, потому ждал в засаде подле старого дачного домика с неизменным и неколебимым терпением.

Воздух дышал микроскопической влагой, на листьях и ветвях скапливались ощутимые капли, затем тяжелели и срывались вниз. Так шло время по водяным часам, а дверь домика оставалась недвижимой, никто оттуда не появлялся. Увы.

Наблюдатель исхитрился покурить пару раз в кулак, в надежде, что табачный дым растворится в атмосфере и не дойдет до обитателей. А может статься, напротив, если дойдет, то выманит нужное лицо из-под крыши ветхого строения, может статься, разбудит в том лице аналогичную жажду. Ибо известно было, что под данной крышей опасное и вредное занятие возбранялось категорически.

Ну, долго или коротко, уже не важно, но спустя какое-то время (по водяным часам была пятая капля) дверь запущенной дачной сторожки стала открываться и открывалась бесконечно долго. По всей видимости, открывавшему что-то сильно мешало.

И на самом деле, первым в дверном проеме показался большой таз, глазированный полуотбитой эмалью, к тому же

полный до краев цветными тряпочками. Попробуй, открой с такою ношей любую дверь, затем закрой ее за собой. Последняя операция была проделана с помощью ноги, причём так ловко, что наблюдатель просто залюбовался. Разумеется, сначала он отметил с облегчением, что выходящая фигура с тазом оказалась та самая, долгожданная.

На скудном, из одной доски порожке, с тазом наперевес медлила женская фигура если не слишком высокого роста, то приятного сложения, однако одетая просто-таки скандально.

«Женщина с тазом!» – мысленно поиздевался наблюдатель, не собираясь, однако, посвящать модель в название навеянного скульптурного шедевра. Сверху, над эмалированным чудищем красовалась ярко-алая рубашка, узкая в груди и с небрежно оторванными рукавами. Далее шел, как было уже сказано, огромный эмалевый таз, а из-под него ниспадала пестрая, широкая цыганская юбка, кое-как подвернутая.

Босые ноги модели облекались в высокие галошки, а голову венчала модная скрепка с длинными зубами, схватившая волосы наверху и держащая их там. Сплошной восторг или ужас, судя по настроению.

Лицо женщины с тазом не выражало практически ничего, было оно хмуро-бессмысленным, как пасмурная природа вокруг. Перехватив объёмный груз поудобнее, оборванная прачка сошла с придверной доски и затопала галошками по раскисшей тропе. Тропинка повела вглубь зарослей, путни-

ца миновала зрителя почти вплотную, в упор его не заметила и остановилась на пяточке, где из земли торчала выгнутая труба с водопроводным краном поверх изгиба.

Именно этот момент наблюдающий выбрал для появления, он прошел сквозь заросли и встал чуть поодаль водяной трубы, откинув мокрые полы ветвей. Вырос, как театральный бог из машины, сквозь марево сырых капающих листьев.

– Ты ли это, дитя моё? – воззвал он отменно театрально. – Или глаза мне изменяют коварно?

– Угадай с трех раз, Отче, – ответила прачка заученной фразой, но без всякого выражения. – Я сама не в курсе. Чего надо? Постирать, погладить, пуговичку пришить?

– Если бы, а то ведь отнюдь, – таинственно ответил гость по кличке Отче, правда, хмыкнув сначала, он оценил уместность старинного неприличного анекдота о преимуществах автоматической жены. – Я пришёл тайно, чтобы извлечь тебя из оков, но боюсь, что к иным делам ты непригодна, вид у тебя...

– Тогда вали себе с Богом, – безучастно ответила прачка в красном. – А я сейчас буду стирать в ледяной водой кучу тряпок, это зрелище не для слабонервных, можешь удалиться, пока не поздно.

– Историческое место для женского пола, оно у очага и корыта, спору нет, – заявил незванный гость весомо. – Но могу сделать для тебя приятное исключение, правда, ненадолго.

– Плохо излагаешь, дешевый искуситель, – отозвалась искушаемая без приязни. – На себя посмотри. Явился в бомжевском виде, караулил Бог знает, сколько. Для того, чтобы явить мимолетную любезность, друг мой Отче? Я пока не все мозги отполоскала, между прочим, не надейся. Итак, начнем с того же места. Чего тебе надо?

– Смилуйся, золотая рыбочка Катя, я чуток обознался, – охотно покаялся гость. – Ты еще не достигалась до кондиции, признаю. А надо много чего, если сможешь оторваться от корыта. Причем позарез и ещё вчера.

– Ну, это «речь не мальчика, но мужа». Предположим, что смогу, – без охоты созналась «рыбка» Катя. – И что? И почём?

– Хоккей, сказал дед Мокей, излагаю кратко, – приступил искуситель. – Ты нам с другом Пашей нужна в первый доступный момент, при полном параде имиджа и обаяния, для особых смотрин. Смотреть будет бабушка русской юриспруденции на предмет пригодности.

– Не поняла, делать-то что надо, помимо обаяния? – сухо ответила Катя, решительно повернула кран и подставила под жиденькую струю изгвазданные маленькие шорты.

– Ладно, девица-искусница, занимайся свойственным тебе занятием, – согласился гость. – Я изложу чуть доступнее, для домохозяек. Так вот наш руководитель и нежный друг Павел Петрович попал, как Винни-Пух, в безвыходное положение. А именно. У них в семейных друзьях числится одна

знаменитая уголовная адвокатесса, ещё с покойным их родителем водила бизнес-дружбу в рамках конкуренции. Паша у нее с детства ходил в любимчиках, она развивала его незаурядный ум.

– Ой, мне уже нехорошо, – созналась Катя под журчанье холодных струй. – Кровь стынет в жилах! Если она сие развивала, то, судя по результату...

– А я о чём, дитя мое! – сокрушился собеседник Валья. – Так вот, теперь она пришла за результатом. Объявилась младшему другу Павлику и запросила цену. Бледный ужас. Ей потребовался помощник по тёмным делам, наш милый Павлик не сумел отказаться. Чуешь, что за бабуля?

– Ой-ёй, скажу я вам, – ответила Катя, не прекращая холодной стирки.

– Вот именно, ой-ёй, да еще с прибором! – подтвердил Валентин. – Как сама понимаешь, Паша вызвал меня срочно и потребовал достать ей помощника, кровь из носу. Но дела своего милая старушка вовсе не изложила, никоим образом. Просто обозначила кандидатуру. Я их послал с полдюжины, почти вся контора продефилировала, кроме самой зелёной молодежи, её звать было не велено. Как знаешь, мы сильно расширились и укрупнились молитвами шефа Паши. Так что...

– И что насчет полдюжины? – спросила Катя для порядка, потому что течение событий стало ей ведомо с самого начала.

– Как сама видишь, я здесь, кланяюсь твоим тазам, – горестно признал руководитель сыскной конторы «Аргус». – Бабуля всех отмела с порога, качество людского материала её не устроило. Ничего не объясняла, спрашивала, нет ли кого другого, даже обидно. И сам ходил, между прочим, с тайной целью, что меня назначат и отвяжутся, дальше я перепоручу. Никоим образом не случилось, она только посетовала, что у моих кандидатов класс не тот, тонкости не наблюдается, воспитания не хватает. И сам не прошел по конкурсу, прямо хоть застрелись. И тогда мы с Пашей...

– Вот такие слова приятно слышать, – заметила Катя в процессе стирки. – Они дорогого стоят. А именно?

– А если тебя отвергнут? – не удержался Валентин. – Милую старушку ты пока не видела, она тебя – тоже!

– Тогда аванс останется при мне, – доложила Катя, усердно принимаясь за очередные трусики мелкого размера. – За напрасные хлопоты и моральный ущерб. Я у вас с Пашей не служу, не правда ли? Мы тем летом пришли к соглашению, что остаемся друзьями навек и ничего более. Назови аванс, и будем торговаться.

– Фи, дитя, какая ты стала пошло-коммерческая! – бросил друг Валя. – А по дружбе? В память старых дней? Я ведь тебя отсюда увезу.

– Нашел чем прельстить, а то я сама не вникла, – ворчливо признала подруга Катя. – Это не аванс и не любезность, ты обходишь стороной главное. Если я отсюда сваливаю, то куда

мне деть птенца, вот в чём вопрос, ты его решаешь?

– Вот что значит толковать с домохозяйкой, – заметил Валентин. – Ну а мама у тебя на что, Мария Феликсовна? Ей оставить детишку...

– Вот видишь, как ты себя выдал, недотёпа, – со вкусом вклеила Катя. – Зачем тогда в кустах прячешься, от кого? От Марии Феликсовны, знамо дело. Кто тебя с порога и метлой? Она же, Мария Феликсовна.

– Ну, это ваши женские дела, мне не с руки, – безнадежно протянул несостоявшийся искusstель. – А ты как думаешь обойтись? Назови свою цену, хоть в валюте, хоть бартером.

– Охотно, друг мой, – согласилась Катя, чуть оживившись. – Пользуюсь вашим безвыходным положением, признаю. Так вот, ступай на Красную площадь, спустись в лавочки на «Охотном ряду», там одной из первых попадётся нечто развратно-роскошное, лотки с самым французским парфюмом. Войди туда, отыщи лоток с Ниной Риччи, там лежит большая коробка, в ней всего полно. Как говорится, что угодно для души, полным набором. Принеси авансом, тогда проблемы с очагом и корытом я решу сама. Далее напوماжусь и пойду к вашей преклонной даме, авось не прогонит. А если прогонит, мне останется коробка с Ниной. Идёт?

– А сколько она стоит, твоя корзинка с ароматами, не подскажешь? – уныло проговорил гость. – Все вы одинаковы, сёстры человеческие, так и рвётесь получать дорогие подарки авансом.

– И не спрашивай, сколько стоит, я не выговорю, – охотно созналась шантажистка Катя. – Но если ты сочтешь цену достойной задания, причём это только аванс, то приходи ко мне. Идет?

– А куда мне деться? – спросил гость Валя окружающую природу. – Кругом одни горгоны всякого пола и возраста. Куда приходит-то, опять сюда, что ли? Я с твоей коробкой, а добрая бабушка Мария Феликсовна встретит с метлой?

– Было бы недурно, но я тебя пощажу, Отче Валечка, – доложила Катя, закручивая тугой кран, стирка переключевала в тот же самый таз, никто времени зря не терял. – Приходи завтра ровно в полдень на городскую квартиру. С упомянутой коробкой, понятное дело.

– А мальчика твоего забрать себе, пока ты у нас будешь вся в Нине, сто двадцать чертей ей в печень, которая Риччи? – предположил Валентин. – Понянчить придется?

– Хоть и горгоны мы, но не настолько, утешься, – созналась Катя. – Малец завтра с утра отбывает с другой бабушкой на море. Свекровь у меня объявилась неожиданно, Мария Феликсовна в трансе. А я буду свободна, могу принимать дорогие подарки и свежие решения. Учёл?

– Нет, прелестная дитя, ты даже не Горгона, ты гарпия, – сообщил друг Валя убитым голосом. – Как торговаться выучилась на мою голову, любо-дорого смотреть! Без коробки никак?

– Угадай, мил человек, с трех раз, как или никак, – веско

ответила Катя, поднимая потяжелевший таз. – И давай прятаться под крышу, а то мокро тут, сил нет никаких. Я под свою, а ты – куда пожелаешь. Итак, до завтра?

– А куда нам деться, бедным, среди вас, горгон и гарпий? – ответила жертва и сгнула в кустах, оставляя за собою след из пролившихся капель влаги.

Можно было счесть их пролитыми слезами, отчетливо видимыми всему миру и разумному человечеству, но никого из них по причине плохой погоды рядом не случилось.

№ 3. Картинка, выхваченная из середины, рассказчик вновь не обозначен

На сей раз действие происходит в интерьере, он же городская квартира, просторная, основательно заставленная, слегка подзапущенная. За стеклами льется дождь, быстрые капли наискось пересекают оконная пространство. На плохо видимом столе светится лампа, у стола...

– На самом деле у нас всё происходит чуть сложнее, милая Катюша, – произнесла одна из собеседниц, миниатюрная дама преклонных лет.

Если бы Катя сформулировала впечатления, то сказала бы, что ветеран советской адвокатуры, затем российского криминального бизнеса, Любовь Борисовна Кронина, более всего походит на ожившую заслуженную куклу с темными кудряшками. Вот именно так. Ею хотелось любоваться и хо-

телось с ней играть. Далее предстояло смотреть и слушать.

— На самом деле, я думаю очень серьёзно, как бы чего не вышло, — продолжала Любовь Борисовна, катая по столу ба-
ранку. — И возможно, отзову, тебя, девочка, взад, пардон за
лексику. Пока ничего не решила, и тебе голову морочить не
стану. Но вот одну штучку ты для меня сделай, ладно, котё-
нок?

— Как скажете, Любовь Борисовна, для вас я готова на
всё, — упомянутая Катя насколько освоилась с куклой-адво-
катом, что вовсю играла в ученицу чародея, ей было весе-
ло. — Плащ и кинжал всегда при нас, кто предупрежден, тот
вооружен, смею заметить.

— Однако, ты у нас проказница, котёнок! Намекаешь на
нелегальную сторону поручения и не совсем ошибаешься, —
призналась Любовь Борисовна. — Но на самом деле, не так
страшно, как ты малюешь, не обольщайся. Я хоть и старый
хищник, но поэтому весьма осторожный, зубы съела на ка-
зусах «про и контра» законов. Тебе ничего эдакого не пред-
лагаю.

— А я бы... — Катя поняла, что заигрывается и вовремя
остановилась.

— Да я уж знаю, — подхватила миниатюрная искуcитель-
ница. — Тебе только позволь, с такими-то глазками, она ещё
добродетель строила из себя, видали! А бесы в глазах так и
прыгают, так и скачут! Что, котёнок мой Катенька, скучно
жить, как положено? Сознайся!

– Уже сознавалась, Любовь Борисовна, но никак не пойму, – засмеялась Катя и вновь остановилась.

– Как я из тебя секреты вынула, да? – со смехом ответила адвокатесса. – То, что я всех насквозь вижу – это от Бога или от натуры, как тебе больше нравится. А что умею навести на признание – чистая профессия.

Катя, надо признаться, сидела в доме адвоката-искусителя довольно долго и полностью прониклась атмосферой. От ее бизнес-настроений и легкой официальнойности не осталось и следа. Напуганная и отчасти предупрежденная, она заявила в гости, до предела наряженная и искусно подмалеванная, но не прошло и получаса, как всё переменилось почти волшебным образом. Никакого дела не получалось, выходила одна потеха – пока.

Уже сиреневый пиджак с черными наклейками валялся среди диванных подушек, а туфли сбросились под вешалку. Потому что чай с баранками гостя и хозяйка сервировали вместе и пили вприкуску. Катя со вкусом продемонстрировала, как надлежит пить чай из блюдца по всем правилам искусства, держа его в розетке из растопыренных пальцев. Наверное, редкое умение сошло за экзамен на профпригодность. Придирчивая старая дама Любовь Борисовна Катю одобрила и собиралась дать Кате поручение, в котором отказывала работникам сыскной конторы «Аргус», включая шефа конторы, Отче Валентина. Что было для Кати, разумеется, очень лестно.

– Так вот, я, деточка Катя, просто не знаю, как с тобой надо работать, – сообщила Любовь Борисовна. – Трудный случай ты у меня. Другому дала поручение в зубки – и оно побегало! А тебе, надо думать, стоит выложить предварительное заключение. Или не стоит, вот в чём вопрос. Но я вот что сделаю, слушай сюда внимательно. Начинаю тебя грузить, потом попробую сообразить, где остановиться. Тогда дам чёткое поручение, идет?

– Вопросы задавать позволено? – поинтересовалась польщенная Катя. – По ходу дела, если вдруг не врублюсь?

– Ну и лексика у вас, молодая дамочка, жена живописца, – обронила Любовь Борисовна. – Но ничего стерпим, терпели не такое, у нас тут вообще клиенты на лагерном жаргоне изъяснялись в натуре. И ничего. Ладно, поехали, повесь ушки на гвоздик внимания. У меня имеется ещё одна любимая девочка, почти клиентка, твоя ровесница, может, чуть постарше, Тамарочка зовут. Знаю её с пеленок, племянница моей старой подружки, мы бегали танцевать в Дом офицеров во дни незабвенной молодости, производили фурор два раза в неделю, поскольку обе были ошеломительные красотки. Если не веришь – глянь на портрет над собой. Убедилась? Ну, вот Евка была ничуть не хуже, только цвета другие, пламенно-яркие. Ладно, вернемся к делу, хоть и неохотно. Тамарочка у Евки всегда была за родную дочь, не меньше того, и девчонка отвечает взаимностью. Вернее отвечала до самого последнего момента. И вдруг исчезла без звука, сбежа-

ла, как Золушка с танцев. Ну, это я конечно перебираю, она не совсем без шариков, Тамарка-то. Всё вообще-то честь по чести. Мужу оставила записку, детям звякнула по звоночку, старенькой тётё Еве отбила телеграммку, та забралась на дачу и дышит кислородом. Телеграммку Ева процитировала, но сама в позорной панике, ей мнится, что под спудом кроется что-то нехорошее. Что могла бы девочка Тамарочка перед тем, как сгинуть, подъехать к тётё Еве и доложиться. Ровно половина этих бредней – сплошная мания величия. Мол, как же обошлись без ценного совета. Но вторая половина мне нравится меньше. И муж, и детки, как сговорились: или молчат, стиснув зубы, или делают отдаленные намеки, что жена и мать их свихнулась на старости лет, сбежала с кавалером, в последнем приступе молодости.

– Основания у них какие? – открыла рот Катя. – Веские или иные?

– Вот это ты и вынь, котёночек мой! – торжественно заявила адвокатесса и приоткинулась на спинку стула. – У меня есть другая догадка, тебе о ней ничего не надо, но вот прощальные слова и записки Тамарочки ты пособирай, ладно?

– Это всё? – с известной долей провокации спросила Катя.

– Ну не капризничай, котёнок, мало не покажется, – успокоила Любовь Борисовна. – Ты мне записку принеси, которую для мужа, а там посмотрим, как дело пойдёт. Причем, предупреждаю, он не даст.

– Это как это? – искренне удивилась Катя. – Я приеду, а

он не даст?

– Ни в коем разе, сам отказал наотрез по телефону, лично мне – радостно подтвердила старушка. – Хоть тресни. Но даст копию и в оригинал позволит глянуть, об этом имеется твердая договоренность.

– Ой, как сложно у вас! – восхитилась Катя. – Он в уме или как?

– Это ты тоже проверь, не без того, – туманно разъяснила Любовь Борисовна. – Стыдится бедолага по-чёрному, в особенности родных и друзей дома. Вот была у него супруга Тамара и враз вышла вон. Ему обидно до слёз, а тут к нему с глупостями пристают: как сбежала, куда сбежала, записку покажи и т. д. и т. п. Оно понятно.

– Надо думать, он может спустить с лестницы охотников за записками, – вслух подумала Катя. – В данном случае меня. Это интересно.

– Куда уж интереснее, – согласилась Любовь Борисовна. – Сама бы из него извлекла без звука, но видишь ли, детка, я не очень-то выходная и выездная, годы отнюдь не те. По лестницам и лифтам не хожу, а уж чтобы спустили, не мечтаю, увы, прошли те волшебные дни.

– А я что, я не против, если так решено судьбою, отчего бы разок и не спуститься с неё, родимой, если не слишком крутая, – Катя охотно поразмышляла вслух.

– Ну, особо не рассчитывай, – предупредила старушка строго. – Наш с тобой Гриша Добросеев малый вполне куль-

турный, хотя нынче и удручён. Я с ним договорилась, так что вполне. Можешь для разгона пококетничать, он собою хорош, бравый малый. Но копию записки ты принеси. Поедешь сегодня, принесёшь завтра или послезавтра, ага?

– Ну, я почти готова, – созналась Катя. – Однако у вас имеют место сопутствующие обстоятельства и догадки, не так ли?

– Не гони старую клячу, она будет брыкаться, – честно предупредила адвокатесса Любовь Борисовна. – Когда и если надо будет, то сразу... Сейчас я делаю Грише звоночек, что ты едешь, ага?

– Ехать, так ехать, – согласилась Катя и добавила старую прибаутку. – Сказал попугай, когда кот Барсик поволок его за хвост из клетки.

– Дерзишь, котеночек, ну да Бог с тобой, – согласилась заказчица, потом спохватилась. – Да, деньги тебе Павлик платить будет, мы с ним так сговорились, ты знаешь?

– Уже заплочено, нет проблем, – доложила Катя. – И обещано больше, если угожу, или же угодию, вас Павлик держит в крупном авторитете.

– Совсем ты охамела девулечка! Ну так всегда, кого люблю, тому прощаю, – напутствовала Катю Любовь Борисовна, протягивая на прощанье бумажку с самыми разными именами, фамилиями и телефонами, возглавляла список она сама и данный её адрес. – И вскоре жду здесь же, у фонтана с результатами. Сначала позвони, а то у меня такой народец бы-

вает, что лучше не сталкиваться. От него и решетка произведена. Иногда их посещает светлая мысль, что дешевле старуху укокошить, чем деньги ей платить.

— Как хорошо, однако, что нам это не грозит! — заметила Катя, послала хозяйке воздушный поцелуй и отбыла сквозь решетку.

Она действительно находилась в полном очаровании, что вылилось в скандальные концерты по дороге к пострадавшему Грише Добросееву.

«Уж не мечтать о нежности, о славе!» — выпевалось у Кати из души дурным мужским голосом на старосоветский мотив.

«Все миновалось, молодость прошла!

Твое лицо в его простой оправе

Своей рукой убрал я со стола!»

И припев продлился совсем уж непристойно: «Эх! Своей рукой убрал я со стола!»

— «Милль пардон, бедняжка Ал. Ал.!» — обратилась Катя к поэту, допев. — «Это я от волнения, никого обижать не собираюсь, пардон еще разок!»

Тотчас перед нею возник дом, и открылась дверь подъезда, где проживал многострадальный Гриша Добросеев, а за внешней дверью оказалась другая, там была прибита табличка с домофонными цифрами.

№ 4. Вновь от первого лица той же Кати Малышевой

Слава великому Богу, у самого дома страдальца Гриши Добросклонова, нет, на самом деле Добросеева, романс со слезой и маршем меня покинул, сжалившись над носительницей зловредного музыкального вируса.

Итак, теперь следовало нажать на табличке нужную комбинацию цифири и затем быть впущенной в храм скорби. Ан нет, сразу не вышло. В табличке, составленной адвокатом Любочкой, отнюдь не значился номер входного кода, имелся лишь номер добросеевской квартиры.

В невнятном освещении уличной лампы номер прочитался, и я почти решила его использовать в качестве кода, во всяком случае, следовало попробовать, но меня предупредили, тем самым сэкономив время, а так же умственные усилия. Дверь с домофонной табличкой стала медленно открываться сама по себе и, открывшись, явила девушку в спецовке и с ведром. Появление девицы с ведром сопровождал специфический аромат, он подсказал род занятий, определивших девшкин наряд.

В надобном подъезде вовсю шел ремонт, ему посвящались ведро и косынка, повязанная по самые глаза, привет всем горячий. В особенности чувству обоняния.

– Не закрывайте, пожалуйста, – попросила я, не особо

приближаясь, побелка и краска отстирываются с трудом, а я была при параде.

— Здесь не закрыто, пока мы работаем, — сообщила девушка-маляр. — Только в подъезде ходите осторожно, лучше бочком, а то...

— Спасибо, я постараюсь, — заверила я.

Затем пропустила заботливую девушку и вдвинулась боком в пострадавший подъезд. Конечно, именно таких впечатлений мне не хватало тем вечером для полноты счастья! Мало того, что стены оказались сплошь ободранными и заляпанными, до них мне дела не было, но вот перила ярко пестрели побелкой, а под ногами елозили листы скользкой упаковочной бумаги, получался почти что бег в мешках. И взяться было не за что, скользи себе по лестнице или прижмись к перилам — все едино, выйдешь отсюда в белых пятнах, как жираф!

Было до слёз обидно пачкаться зря, но путей достойного отступления не предвиделось, поэтому я с трудами добралась до лифтовой двери и нажала кнопку. Через пару секунд пришлось убедиться, что совершенно напрасно, кнопка не возгорелась, и шумов в шахте не прибавилось. Я попробовала произвести действие вновь и убедилась, что предстояло восхождение с препятствиями на неведомый этаж. При этом следовало считывать номера квартир, чтобы не пропустить указанную.

Никому, конечно, не интересно знать, как я карабкалась

по грязным и укутанным ступеням, как в отчаянии хваталась за перемазанные перила и старалась не падать на пятна зеленой краски. Это были сущие мелочи по сравнению с тем, с чем пришлось столкнуться на нужном этаже.

Там, перед открытой дверью шахты – лифт потому никуда и не двигался – громоздилось произведение столярного искусства в два этажа. Эдакая платформа-стремянка, на ней чего только не было, включая брезентовую робу, ведро с краской и кучу разных тряпок непонятного назначения, ну, да пес с ними! Деревянный монстр, кроме всего прочего перегораживал площадку, стоял монументом, проходи, как знаешь! Лично я не знала, и проходить совершенно не хотела, было до слёз жаль новенького сиреневого пиджака.

Да уж, забрался страдалец Добросеев в какую-то дыру и входы напрочь замуровал. Это вам не «гремя огнем, сверкая блеском стали», это «там где пехота не пройдет, где бронепоезд не промчится»... Угрюмый танк мог бы проползти, и я стала брать с него пример, только смею заверить, что гораздо угрюмее. Ко всему прочему, прокладывая путь при помощи намочшего зонта, ему не так страшно, он запасной и старенький. А когда я преодолела деревянное препятствие, почти в незапятнанном виде, и уже намеревалась праздновать мелкую победу духа, вот тут позорное происшествие и приключилось. Сколько буду жить, столько и будет стыдно... (Потом, правда, многое наслوилось.)

В свое оправдание могу сказать одно: свет в подъезде был

тусклым и неверным, лестничный пролёт, ведущий наверх, показался тёмным туннелем, а сзади меня стояло насмерть деревянное препятствие, грязное донельзя и перекрывшее путь вниз по лестнице. Квартира, куда я всеми силами стремилась попасть, вот она виднелась буквально в двух шагах и манила указанным номером 36.

И когда вдруг и внезапно, сверху лестницы показалась затемнённая фигура в брюках, вместе с тем послышался невнятный призыв типа: «А постой-ка минутку!» – что бы вы думали, мне оставалось делать?

Ни секунды не оставив на оценку ситуации, я рывком бросилась к заветной двери № 36, в броске ткнула кнопку звонка и, не отпуская ее, забарабанила в дверь ногою. Не стану утверждать, что мною руководил панический испуг, но вышло само собой. Лучше поскорее встретиться с удрученным господином Добросеевым, чем толковать с неизвестным, которого нелегкая нанесла на лестницу. Будь он хоть замаскированным ангелом во плоти, желающим прикурить либо познакомиться с приятной дамой между малярными работами и тихим отдыхом на рабочем месте.

Ну вот, я звонила и барабанила, мужик в кепке оказался сзади меня, но ничего не предпринимал, а изнутри к двери подошел некто, наверное, Добросеев, и с беспокойством спрашивал, кто это там.

– Откройте, откройте быстрее! – требовала я, пока не догадалась предъявить рекомендации. – Я от Любви Борисов-

ны, откройте!

Заклинание подействовало, двери раскрылись, и на пороге предстал мужчина среднего возраста и привлекательной наружности. Он оказался весьма внушителен, головой почти касался притолки, чем совершенно успокоил мои чувства и даже порадовал. Имея такого кавалера перед собою, я без боязни обернулась и увидела, что ненужный соискатель моего общества отступился и почти растворился в лестничной тени. Очень удачно вышло, хотя и не совсем удобно.

– Так отчего весь этот трезвон? – строго спросил Добросеев, тем отчасти испортил благоприятное впечатление, мог бы сказать что-нибудь по поводу доброго вечера или представиться.

– У вас тут на лестнице кто-то шляется, – я тоже обошлась без приветствия, хотя почти представилась из-за дверей.

– Знамо дело, сами видите, что ремонт, – неблагоприятно заявил Гриша Добросеев, потом предложил так же хмуро. – Заходите, если это не с вами.

Какое оскорбление хозяин имел в виду, я не очень сообразила, но охотно вошла внутрь и закрыла двери за собой. А Григорий Добросеев, это оказался вправду он самый, завинтил за мною хитрый засов.

Неудачно сложился первый момент знакомства, что и говорить. Лично я проявила себя дурочкой и паникёршей, а брошенный муж Гриша ничем меня не утешил, наоборот, сделал вид, что ничего другого от таких визитеров и не ждал.

Даже уважаемую Любочку Борисовну помянул нелестным словом, не буду особо уточнять, каким именно. Имелись в виду некие старые интриганки, сующиеся в чужие дела отнюдь не бескорыстно, и я, наглая, иже с ними. Ничего этого Гриша Добросеев таить не стал, рассказал вместо приветствия почти сразу.

Не часто, прямо скажем, приходилось начинать работу с таких неудобных позиций. Присутствовало лишь одно утешение в этой обители скорби, причём оно вышло чисто технического характера. При всем желании спустить незваную гостью с лестницы Гриша Добросеев не сумел бы это осуществить, ему пришлось бы сначала сбросить с площадки малярную бандуру, либо вдвинуть ее в лифт и исхитриться нажать кнопку изнутри.

(Пока я протискивалась мимо сооружения, я так и подумала, что кто-то собрался спускать опору на лифте, но замешкался. Не исключено, что давешний мужик в кепке просил меня помочь в сложном деле, а я не сообразила и опозорилась. Вполне могло быть и так.)

Во всяком случае, ненужная мысль о моём скандальном появлении на пороге квартиры никоим образом не облегчала задач, кроме того, что маячила на задворках мысли почти неотступно. Как-никак, обратный путь мимо маляра и бандуры впоследствии предстоял, если я не намеревалась напроситься к Грише на ночлег или просить проводить меня из дому. Увы, наши отношения вокруг его семейных дел не

развивались в подобном направлении, ничего приятно-личного в диалоге не намечалось, хоть застрелись!

С каждой минутой общения я открывала новые недостатки в хозяине-страдальце, утверждаясь в пошлой мысли, что беглая супруга терпела его дурные манеры чрезмерно долго, я бы не выдержала и лишней минуты. Стоит ли замечать, что судила я, мало того, что несправедливо, но некорректно с точки зрения профессии. Отнюдь не Гриша Добросеев заявился в гости против воли хозяев и вовсе не он делал наглую попытку сунуть нос в чужие неприятности!

Однако последующим покаянием дело не исправляется, а в моменты, пока я визитировала в квартире Добросеевых, негативные помыслы и ощущения преобладали над всем буквально. Стыдно сказать, я мысленно корила хозяина за пошлую скупость, исходя из момента, что верхнего света он в комнатах не зажигал, а принимал незваную гостью при свете небольшой лампы над диваном.

Следовательно, я не могла составить впечатления о жилище в целом, оно тонуло во мраке, что я ставила в отдельный счет Григорию Добросееву. Никакой полезной информации, кроме минимальной, я не выудила, это было обидно. На самом деле мне было до смерти любопытно знать, убрал он или не убрал со стола фотографию беглой супруги Тамары, неважно в какой оправе, простой или не очень. Милль пардон, всё же слаб человек! Это я.

Ладно, делу время, а всяческим потехам час. Смирившись

с сознанием, что дополнительную личную задачу, а именно войти в душевный контакт с клиентом – придется окончательно похерить, я добралась сквозь взаимную неприязнь до основного дела. И то хлеб, правда, черствый.

Ну и вот, повинувшись договорённости, мы с Гришей уселись рядком на диван под лампой, и он стал показывать прощальное письмо от Тамары. За чем я, собственно, приехала. Вертя в руках записку, Гриша повторно уведомил, что будет делиться только копией, далее заверил, что копию мне надлежит снять собственноручно, хочу я этого или нет. И пока предупреждал, записку из рук не выпускал.

Не знаю, что имела в виду его супруга, но она оставила прощальный текст на большой глянцевой открытке, поздравляющей адресата с давно наступившим Новым 2000-м годом! Честное пионерское слово! С ума они все посходили, что ли, в этом доме! Или имело место изощренное оскорбление со стороны Тамары, я просто не знаю.

Я попробовала было возразить против идеи снятия копии с безумного документа, но хозяин резко пресек попытку бунта. Или так, или никак – строго пояснил он. Затем туманно прибавил, что, мол, «не хватало потом оправдываться, когда всякие там криминальные деятели будут совать в нос суду (?) записки якобы от Тамары, написанные его почерком. Нет уж, благоволите сами...». Документ у него, продолжал Добросеев, заверен нотариально, это раз, и он намерен провести частную экспертизу на предмет того, что текст на открытке

писан Тамарой. Дело на мази, и нечего тут разводить турусы на колесах.

Да уж, я сидела на диване с осязательною пружиной и тупо молчала, подавленная весомостью аргументов. И сразу перестала вникать, что бы это могло значить юридически. Бог с ними со всеми, я лучше побуду в сторонке. Дальнейшее действие вылилось просто в чудовищные муки, посудите сами!

Ладно, Гриша Добросеев, не очерстневший душою до конца, снабдил ходячую нотариальную контору бумагой для копии, понятно, что с собой ничего подобного не было. И на журнальном столике разрешил разложиться с работой, еще один реверанс в его сторону, мог послать на подоконник вне квартиры и вообще куда угодно. И альбом репродукций Пикассо принес, чтобы подложить, хвала ему! А ручка нашлась своя.

Но как прикажете снимать точную копию, сто чертей всем в печень и селезенку, когда оригинал исполнен на поздравительной открытке? Где кроме прощального приветствия имелся типовая текст поздравления и к нему в пару надписей лиловым фломастером: «С новым годом, Тмарочка, с новым веком и тысячелетием, если я не ошибаюсь!»

Вот я и мучилась несказанно, пытаюсь сообразить, что будет точнее, и как будет лучше. Как-то не хотелось ударить в грязь лицом окончательно. В конце концов, сделала краткое описание открытки отдельно, а искомый текст записки привела ниже, хотя понимала, что для цельности впечатления

они должны бы идти вперемешку, как на оригинале. Но в таком случае вышел бы документ из дурдома, такое я постеснялась бы нести многоуважаемой Любочки Борисовне, даже ей, многоопытной. И долго колебалась, это я опять же, стоит ли приводить в скорбном документе описание новогодней картинки, она была впрямь необычной, подобных поздравлений я доселе не видела, в эдаком демоническом стиле. Находясь в процессе колебаний, я спросила хозяина неуместно доверительно.

– А открытка откуда, очень необычная, и, вообще, почему на ней? – вернее, я засыпала беднягу рядом бестактных вопросов.

– У Тamarки всё не как у людей, – безропотно, хоть и бесстрастно пояснил Добросеев. – Её фирменный стиль, все привыкли. Вот и карточку принесла с работы. Так мило поздравили, какие-то клиенты, ей глянулось, принесла показать, картинка весёлая. Чёрные ангелы несут полуголую душу в когтях, с Новым годом, дорогие товарищи! Потом художество долго валялось, пока не пригодилось. Хорошая бумага, места как раз хватило, вышло удобно. Почерк разбираете?

– Да уж, будто ребенок писал, крупно и коряво, – заметила я не без провокации, очень хотелось разговорить хозяина.

– Вот потому я об экспертизе подумал, – согласился Гриша. – Это у неё от компьютера, рукою почти не пишет, тюкает по клавишам, почерк регрессировал, сама смеялась.

Вот тут мы оба надолго замолкли. Я стала снимать копию в меру своих сил, а между делом витало соображение, что как бы Гриша ни порицал беглую супругу, но... И уж точно ждал ее обратно, хмурый, всем недовольный, но в полной готовности высказать должные упрёки и... Достаточно предположений. А прощальный привет Тамара оставила такой.

«Милый друг! Я отъехала, пока не знаю, насколько долго. Постарайся никого не беспокоить, я предупредила, пускай не ищут. Если что, меня нету, уехала лечиться, от чего-нибудь. Деньги – знаешь где, я взяла немного. И пока.

Тамара, год, число, месяц, подпись неразборчиво»

Скупое послание выдала Тамара Добросеева супругу Грише, ничего иного не скажешь, но, с моей точки зрения, вполне достоверное. Если я что-либо понимаю в людях, то Гриша такого бы не сочинил, очень оно вышло обидное для него. Уж лучше бы Тамара придумала про неземную позднюю любовь и седого принца с миллионами в кармане.

Стало понятно, что обнародовать такое письмо было для Гриши мучительно, просто как нож острый. По всей видимости, Любочка Борисовна выкрутила ему руки с особой жестокостью, иначе бы никто документа не увидел. Всё это промелькнуло враз, пока я копировала, и задерживаться в доме Добросеевых расхотелось вовсе.

Я и не стала. Как только закончила писанину, то принесла хозяину благодарность за содействие, извинения за отнятое

время, далее, не медля, испросила разрешения откланяться. Гриша Добросеев в свою очередь гостью не задерживал, церемонно выразил сожаление, что мы оба занимались мало-приятным делом, и отвел к входным дверям.

А там обоих ждал небольшой сюрприз. Когда дверь квартиры открылась внутрь, то стало видно, что деревянное сооружение волшебным образом уехало с площадки, но обслуживающий персонал, к сожалению, остался на месте. Тот самый тип в кепке, что напугал меня при входе, никуда не делся. Более того, он сидел у соседней двери, склонил голову на грудь и вытянул ноги поперек площадки. Надо полагать, что работник малярного цеха, потрудившись всласть, пребывал в состоянии беспробудности, хотя проверять никто не стал.

Я просто перешагнула через лежащие ноги в мятых брюках, а любезный хозяин проводил меня взглядом, пока я не сошла с площадки.

– Вот такие пироги с котятами, – сказал Гриша Добросеев на прощание.

И я не совсем поняла, что он имел в виду. То ли внезапный отъезд супруги Тамары и записку с чёрными ангелами, то ли мертвецки пьяное тело поперек дверей на прощанье. Надо сказать, что дешёвый спиртной дух распространялся вплоть до следующего этажа вниз, а потом смешался с прочими лако-красочными ароматами. Однако я успела отметить для себя, пока спускалась по проклятой бумаге, что как-никак, контакт с клиентом состоялся, невзирая на веселую

встречу и нестандартные проводы.

№ 5. Вывод из вышеизложенного вышел странный и послужил заключением к вступлению и вообще...

Вывод, или, если хотите, ввод в дальнейшую программу, получился в виде телефонного разговора однажды наутро вскоре.

Абонент Л. Б. – Катюша, я ведь не разбудила тебя, это Любовь Борисовна.

Абонент К. М. – Да нет, не особенно, вообще-то...

Абонент Л. Б. – Нет, ты все же проснись, девочка, у нас тут...

Абонент К. М. – Нет, я почти не сплю, а бумага у меня.

Абонент Л. Б. – Бог с ней с бумагой, деточка Катя, у меня не самые хорошие новости, тебя ждет один милый юноша. Сегодня в полдень.

Абонент К. М. – А Грише Добросееву мы уже дали отставку?

Абонент Л. Б. – Ну, это сложнее, однако, хорошо, что ты проснулась, Катюша. Гриша Добросеев в панике, тебя искал, вызвонил у меня, и я его простила. Ты тоже простишь, я знаю. Он не хотел тебя выдавать, но уже ничего не сделаешь, теперь правила другие.

Абонент К. М. – Простите, Любовь Борисовна, я совсем

перестала понимать, может быть, что-то с телефоном?

Абонент Л. Б. – Нет, Катенька, ты мыслишь правильно, просто мне трудно сознаться, но уже пора. Тебя ждут великие, но неприятные дела в муниципальном отделении внутренних дел. Я скажу адрес, юноша там неплохой, инспектор Дима Новожилов, я с ним переговорила и предварительно обаяла. Надеюсь, что дальше него дело не пойдет. Ау, Катюша, ты у нас тут?

Абонент К. М. – Скорее да, чем нет, но... Как-то мне трудно сообразить. А зачем нам некий инспектор Новожилов Дима?

Абонент Л. Б. – Я вижу, Катюша, у нас наметилось охлаждение в отношениях, и всё беру на себя. Поверь, ты очень мелкое колесо в процедуре, просто последний свидетель. Чудесный юноша Дима предупрежден, клянусь, но это неизбежно. Ты самая последняя видела покойного в живых, так что...

Абонент К. М. – Ой, у нас покойный вдруг появился! Мне как-то не очень.

Абонент Л. Б. – Ладно, будем считать, что ты подготовлена, теперь слушай доступно. И ничего страшного, просто придешь к Диме Новожилову и расскажешь, как звонила к Грише в дверь и видела человека на лестнице, а потом его же, лежащего под дверями. Вот и всё. И не забудь подчеркнуть, что вы оба приняли его за пьяного. Если Дима против обещания станет играть с тобой в милицейские игры, то при-

грози, что пожалуешься мне, я ему уши надеру.

Абонент К. М. – Значит ли это, что тот маляр...? Что он вовсе не пьяный лежал, он правда, сидел, а не лежал...

Абонент Л. Б. – Отвечаю по порядку: да, нет, не важно. Да – что он вовсе не пьяный, а, увы, мертвый. Нет, он оказался не маляр, а неизвестно кто. Насчёт того, лежал он или сидел, это ты Диме Новожилову подробно расскажешь, мне это неважно. Важно, чтобы вас с Гришей полностью исключили из возможных версий. Чтобы никто не додумался с малой зарплаты и большого ума произвести случайную смерть ханыги в криминальный заговор. С ними иногда бывает, но Дима – парень порядочный, и я его предупредила. Что ты расскажешь по порядку, если он не станет сочинять версии и задавать ненужные вопросы. Иначе ты уходишь в несознанку, к Грише приходила по интимным делам и ничего не видела. Никто никогда обратного не докажет, это помни накрепко. Когда развяжешься с Димой, то приходи, потолкуем по нашему делу. Идет, котёнок?

Абонент К. М. – Однако с добрым утречком нас обеих, Любовь Борисовна. Я опешила немного, ведь мокрое дело, не так ли? Если бы ханыга от инфаркта скончался или с передоза, то никто бы так не волновался, а?

Абонент Л. Б. – В тютельку сообразила, детка, ну и с Богом! Однако, держи в уме, что этот маляр-немаляр у нас сбоку припеку. Ты же не думаешь, что он имеет прикосновение к Грише или...

Абонент К. М. – Я считаю, что мне по этому делу думать вообще не полагается, надо сходить к юноше инспектору Новожилову и отчитаться, тогда будет вполне о, кей. Так?

Абонент Л. Б. – Умничка, и чем скорее, тем лучше, потом сразу ко мне. Пока, скоро увидимся, от Гриши тебе поклон, он оценил старания.

(Конец связи и вступления. Бледный ужас, прямо скажем.)

Глава вторая

№ 1. Рассказ в форме диалога начинается директор агентства «Аргус», Оболенский В. М.

Диалог имеет место в одном солидном учреждении, и слушает его тоже директор, Криворучко П. П., лицо облеченное высоким рангом и степенями. Действие происходит в служебном кабинете последнего тоже в сумерки, примерно две или более недели спустя, плюс-минус.

– И вот, многоуважаемый Павел Петрович, какие милые последствия мы поимели ровно через три дня. Ваша почтенная дама одобрила нашу Катю, приласкала и отправила за запиской к лоху, от которого сбежала благоверная супруга. Все счастливы, все довольны, наша Катя увлеклась и побежала, потому что старушка ее очаровала. Все были счастливы и довольны, ан нет! По ходу дела Кате случилось перешагнуть через труп, самым буквальным образом, и в довершение она оказалась последней, кто видел покойника живым. Клиент Катю сдал начисто, старушка-адвокат проконсультировала прелестное дитя и толкнула прямиком в объятия инспектора Новожилова. Труп валялся в морге невыявленный, разговор у Кати с инспектором был нехороший, но короткий, пришить её к делу не получилось, только «Аргус» чуть-

чуть тряхнули, для проформы. Проехали. Катя особо не жаловалась и продолжала вместе с вашей дамой почтенных лет рыться в семейных делах той клиентки, что сбежала, и у чьей двери валялся случайный трупик, так, пустячок, мелкая подробность. Мне, она, то бишь Катя, не очень докладывалась, между прочим, бегала по городу, как ошпаренная, сыпала восторги про вашу старушку и что-то про сбежавшую дамочку, однако, это не важно. Ну, а теперь у нас зайчик в рукаве завелся, ваше сиятельство, уважаемый Павел Петрович. С чем я пришел, озабоченный донельзя. Сами сейчас убедитесь, минутку терпения.

Пока гость «ихнего сиятельства» плёл пространный рассказ, хозяин кабинета сохранял на лице бесстрастное выражение, даже пролистывал некую папку, будто рассказ-доклад не имел к нему отношения. Хотя впечатление было обманчиво, он давно прервал бы развязное повествование, не будь уверен, что в конце припасён эффект сильный, хотя и неприятный. Когда у него испросили минуту терпения, директор Павел Петрович наконец встрепенулся и промолвил надобный вопрос.

– А именно, милейший друг Валентин, а конкретно?

– Извольте начистоту и конкретно. Замечательно, я так и собирался, но просто трудно и больно, – замялся докладчик почти искренне. – Наша Катя уже неделю тоже пропадать изволит. Точка. А если конкретнее, то нет ее нигде, ни по какому адресу, ни по телефону. Ввиду форс-мажора я взял грех

на душу, проник к ней в жилище и могу поделиться выводами. Благоволите?

– Я скорее полагаюсь на ваше чутье, – согласился хозяин кабинета. – Уж если вы, Валя, обеспокоились, то, наверное, не зря.

– Отнюдь не зря и не напрасно, что особенно тревожно, – поделился дурной вестью гость Валентин. – И поскольку мы оба-вдвоём, ваше благородие, вравили детку-Катю незнамо во что, то должны побеспокоиться, не правда ли? Так вот, в квартире милой детки я наткнулся на свидетельства того, что она вышла из дому без багажа и вовсе налегке, а обратно не вернулась. Подробности докладывать?

– Это предположение или уверенность? – кратко осведомился хозяин.

– Увы, уверенность, – без удовольствия отозвался гость. – Я Катю знаю много лет, мне ошибиться трудно, хотя и хотелось бы. Как ушла она из дому в джинсах и кроссовках, с зонтом и без заграничного паспорта, с одним общегражданским, так и не вернулась в скромную обитель. И беспорядок там привычный, без дальних сборов, ручаюсь, чем хотите. Просто ушла и не вернулась домой наша Катя. По сему случаю прошу и настаиваю на собеседовании с почтенной дамой. Ее дела.

– У вас полная уверенность? – спросил хозяин кратко.

– Иначе бы меня здесь не находилось, – неграмотно, но веско произнёс гость Валя. – Прошу санкции на розыск Ка-

ти, пока не стало поздно. Мне бы не хотелось...

– Разумеется, если это так серьезно, я дам знать Любови Борисовне, – начал хозяин эпически.

– Ничего подобного, вы мне дайте санкцию, а бабуле скажите, чтобы не чинила препятствий, – заговорил гость Валя не очень вежливо. – Катя у нас одна, и кидаться ею не следует. Бабушкины тайны должны пойти по фигу, времени у нас нету. Кати-то нету неделю, если не более того. А совпадение такого типа, что девка пропала, затем Катя пошла искать и тоже пропала – это мне не нравится совсем. И что труп там валялся у Кати под ногами, то последнее совпадение мне нравится ещё меньше. Убедительно?

– Более чем, вы правы Валя, моя санкция с вами, звонок будет сделан, – пообещал хозяин кабинета. – Но однако, наша Катрин, она ведь имеет ангела за плечами, я на него надеюсь, а вы?

– На ангела надейся, а сам не плошай, – ответил гость сердито. – Где кто был бы прошлым летом, если бы Катя ангелов у нас считала?

– Ваша правда, я ничего не забыл и вам не советую, – ответил хозяин. – И Бог в помощь, так же любые секретные фонды. Проверьте по всем каналам на въезд и выезд, где без визы и загранпаспорта, то-есть в рамках бывшего Союза. Вам окажут всемерную братскую помощь. Не стесняйтесь, я санкционирую. И держите меня в курсе.

– Лучше бы его не было совсем, курса этого, – без вежли-

вости пожелал гость.

После чего откланялся без почтения, покинул кабинет и вскоре вышел из здания вон под нескончаемый дождь. Такое выдалось лето.

№ 2. Рассказ продолжает директор «Аргуса», он же Валентин, немного позже, так сказать, в промежуточном итоге

В промежуточном итоге для предлагаю стенограмму, диктофон писал, мы оба слушали, потом печатали и горько думали. Остались в недоумении, но им я поделюсь после. А покамест извольте узнать, что поведала старушка в пряничном домике, когда я, наконец, до нее добрался и сподвиг на правдивый рассказ. Ну вот, я грыз каменную баранку и слушал, а слезы недоумения сползали по воротнику вниз, мешаясь с холодным потом.

«Боже, куда черти внесли мою бедную Катю! И как её оттуда извлечь?» – вот что стучало по башке, пока приветливая дама Любовь вела многословный рассказ. Итак.

«...Скажу честно и откровенно, мой молодой друг, я не представляю, как эти сведения могут помочь в поисках Катеньки, но слушаю и повинуюсь. Потому что каюсь. Сама озабочена странным результатом. Катя держала меня в курсе розысков очень тщательно, приходила регулярно и делилась информацией, потом вдруг замолчала и скрылась с горизон-

та. На нее не похоже, очень обязательная девочка.

И вдруг – на тебе, Катя исчезает, потом вы появляетесь с претензией, что зло исходит от меня. Поэтому я честно делюсь тайной клиента, первый и последний раз в жизни. Павлик мне друг, Катю я полюбила, почти как родную, поэтому иду на проступок, жертвуя собою невозвратно. Хотя честно предупреждаю, что тайна другой клиентки Тамары Зориной-Рощинской вряд ли отыщет нам бедную Катю. Не того плана секрет, и Катя его не знала. Вот в чём вопрос. Я оставила девочку в неведении, чтобы посмотреть, что скажут остальные. Как я вычислила, они молчали и не делились семейной тайной, даже не знали, что Тамара советовалась со мною. По крайней мере, не все из них знали. Но я в курсе, что там намечался сложный семейно-денежный арбитраж, позорное и кляузное дело. Мне до сих пор думается, что Тамара скрылась именно из-за последствий. Хотя я могу ошибаться. Вот над чем Катя у нас трудилась, не зная того.

Теперь, если вы, дружок Валечка, набрались терпения, то вот секрет в очень пространным изложении, потому что иначе не выйдет, дело кляузное донельзя и многофигурное. Фантом и иллюзия. Слушайте и не перебивайте. Тамару Зорину-Рощинскую я знаю с пеленок, дружила с её тёткой Евой, находилась в курсе семейных дел, а год назад она сама пожаловала за консультацией, и вот какой выявился у нас пасьянс. Потом Тамара делилась печальями, лично и по телефону.

Кроме тётушки Евы у Тамары имеется полный набор близких родных: папа, мама, сестра и племянница. Это кроме мужа и детей. Но всё до предела сложно, поскольку в виде фантомов числятся покойный дядя с двоюродной сестрой, они погибли в одночасье в автокатастрофе, это были родные со стороны отца. Ева – она по матери.

Всё-таки придется начать с первичной материи, извините Валя, я сейчас возьму бумажки, иначе будем сидеть зря и ничего не высидим. Пардон. Итак. Зорины-Рощинские, вот они. Начинаем с бабушки Полины, иначе не вытанцовывается. Ох, грехи наши тяжкие!

Бабушка Тамары, Полина Зорина-Рощинская опочила в Бозе очень давно, но перед кончиной особо распорядилась лишь одним имуществом. Другие ложки и цацки старушка раздала заблаговременно по сыновьям и внукам, а одну вещичку завещала в общее пользование. Предмет искусства, картиночку в дорогой раме, не нашей работы, по всей видимости, старинную и дорогую. Откуда вещь взялась у бабушки Полины, никто толком не знает: то ли фамильная, то ли выморочная. Однако висела на стене в доме дяди Тамары, где бабка Полина жила до самой своей смерти. Это важно, стоит запомнить. Так вот бабка Полина на смертном одре сказала буквально, но устно: „А это вам и девочкам“, имея в виду двух сыновей и трех внучек. Ясно, хотя и юридически некорректно, что выявилось потом, когда стало поздно. Пока не стало, предмет искусства висел на стене по негласному

уговору, что делить никто не станет, а оно повисит в память о бабуле. К тому же действующие лица были обеспеченные и оттого не жадные, в недавние еще времена.

Теперь оставим картинку в покое и перейдем к Тамаре и кухне Инночке, дочке дяди. Обе сонаследницы дружили с раннего детства, были ближе, чем родные сёстры. Тамара старшая, Инночка на два года моложе, учились в одной школе и всё такое прочее. Девицы делились сердечными секретами и поклонниками, в последнем дошли до крайностей. Не наше дело, но вышло сложно.

Был у Тамары соискатель Гриша Добросеев, его она не очень-то привечала, зато по нему сохла Инночка. С девицами такое бывает, всё в норме. В девятнадцать лет Тамара выскочила замуж за однокурсника, пустив Гришу побоку. Тогда его подобрала Инночка, они поженились, когда у Тамары родилась дочка Анечка. Впрочем, жили очень хорошо, Инночка Гришу обожала, у них родился мальчик Петя.

Наши девочки продолжали дружить и общаться, даже когда Тамара развелась, у нее брак не выстроился. Инночка, добрая душа, не боялась ничего, ну да это неважно. Важно другое, и очень печальное.

Когда маленькому Пете было два годика, Инночка с отцом погибли в одночасье, ехали на машине, их подмял грузовик. Оба сразу насмерть. Гриша Добросеев остался вдовцом с мальчиком на руках. Тамара к тому времени пару лет состояла в соломенных вдовах. Сложили два и два, понятно,

к чему пришло дело. Но, как я поняла, и все кругом знали, Тамара пошла не столько замуж, сколько в мачехи. Потому что любила мальчонку Петечку, как его маму, как своего, как дочку Анечку. Это нужно особо подчеркнуть и запомнить, иначе дальнейшие события просматриваются плохо.

С тех пор прошло пятнадцать лет, как одна копейка. Тамара и Гриша – как они жили, особая статья, но в целом неплохо. А вообще не наше дело. Наше дело, оно вот какое. Дочка Анечка у Тамары два года назад вышла замуж и уехала жить к супругу, тот культурный новый русский, это опять неважно. Остались они втроем, Тамара, Гриша и сын Петя. Вот мы и подъехали. Если, вы, Валя, ещё не заснули, то слушайте.

Год назад явилась ко мне Тамара, до того лишь слухами о себе баловала через тетку Еву и выложила пасьянс с гневом и слезой. Мальчик Петя, любимый пасынок, подошел к опасной черте жизни. Парень заканчивал среднюю школу без большого блеска, был годен для армии, а в Чечне начались военные действия. Мальчику предстояло поступление в высшее учебное заведение либо возможный марш-бросок в южные края по казённой надобности. Тамара реально опасалась, что бесплатное обучение парню не светит, он хоть и умница, но разгильдяй. Надо было подстраховаться с платным, то бишь держать деньги наготове совершенно легально, сейчас такие порядки. Как все нынешние люди, Тамара с Гришей имели немного, средний класс до первого спроса. А как подошел спрос, то вышел казус. Сейчас разьясню с циф-

рами и суммой прописью.

Четыре тысячи баксов – это первый взнос за платное обучение, вынь и положи, если парень не доберет баллов. У вас дети есть, Валя? Ну, если девочка, то поверьте на слово, я говорю о мальчиках и локальных войнах, никого не осуждая. Тут каждый решает за себя и своего ребенка. Точка.

Тамара стала решать, а Гриша Добросеев послушно плёлся следом. Вот мы теперь у места встречи. Вернулись к наследству бабушки Полины. С тем Тамара у меня появилась, изложила обстоятельства и задала вопрос. Чисто юридический, он же профилактический. Если она возьмёт наследство, завещанное бабкой Полиной, и поделит без спроса с другими родственниками, будет это кража либо нет? Этика по фигу, пояснила девочка, будет ли предмет судебного разбирательства.

Если она возьмет ценную картинку, продаст либо заложит, а сумму поделит на пять частей, как бабушка Полина им велела. По части папе и родной сестре Ксане, а остальные три: Инночки, дядина и её личная – пойдут на платное обучение мальчика Пети в хорошем институте с военной кафедрой. Приблизительно 15 тысяч баксов – всё удовольствие.

Поскольку печально донельзя, но выяснился факт, что близкие родные, отец и сестра, могут воспротивиться и захотеть делить наследство натрое. По числу живых наследников, оставляя вдову дяди и Петю в стороне. Возникали подобные байки, вроде бы в шутку – о правах и наследниках,

об юриспруденции в самом чистом виде. Мол, бабушка Полина упоминала пятерых и никого больше, не так ли? А ныне из них в наличие трое, или нет? Мол, тебе, дочка, больше достанется, и картинка вообще не там висит, хорошо бы перевесить. Марианна – она суцая овца, и бабушке Полине была всего лишь младшей невесткой.

Тамара вникла в ситуацию, поразмыслила, пошла к тетке Марианне, потом ко мне за консультацией. Мы обе благословили девочку на сомнительное предприятие. Вдова дяди и бабушка Пети со слезами благодарности, а я, старый зубр в лесах закона – по полной форме. На самом деле, и это самое смешное, с легальной точки обозрения спорная картинка считается собственностью того лица, на чьей стене висит, если много лет прошло, и споров не возникало. С точки зрения закона ценная штукавина бесспорно принадлежит Марианне, и точка.

Устные завещательные распоряжения принимаются во внимание лишь при добровольном разделе. Если возникают споры, то право на стороне давности владения. И то сказать, каждый заявит, что ему угодно либо выгодно. А с добровольным разделом, как я поняла, в ранее благородном семействе Зориных-Рошинских возникли проблемы.

Которые Тamarочка разрубила, как Гордиев узел. Взяла ценность у Марианны со стены, оценила, реализовала, затем поставила в известность остальных родственников. Когда внесла деньги за обучение мальчика Пети, он, бедняжка,

недобрал одного балла до бесплатности, обидно же, правда?

Ну, никто не спорит, в благородном семействе много чего произошло, не будем уточнять, потому что очень противно. Бедную девочку Тамару полоскали и валяли в грязи почём зря, сначала просто так, потом с угрозами о самоуправстве и корыстном злоупотреблении имуществом. Возник коллега из плохоньких, стращал Тамару гражданским иском по наущению близких родичей. И даже чуть ли не до уголовного взыскания разговоры дошли, но тут девочка показала им знание предмета, с тем родичи утёрлись.

Тамара тем временем тоже встала в позу и потеряла застенчивость. Объявила родным-соискателям, что пока бардак не уляжется, и ее не перестанут срамить и пугать, то положенные две части от вырученной суммы отец с сестрой не получают, и гори оно синим огнем! Я лично не одобряю такой позиции, но не сужу. Да, муж Гриша Добросеев, оказался, бедняга, в уязвимой позиции, его клевали невозбранно и всласть. Мол, он жену науськал, а сам никакой не наследник, но деньгами для сына разжился! Это раз, а во-вторых, почему сам не пошел на большую дорогу, зачем выслал Тамару?

Гриша дрогнул душой, стал огрызаться на жену и сына, мол, его из-за них обижают, в доме пошли свары. Тогда сын Петя перешел жить к бабушке Марианне от греха подальше. Потому как к учебному заведению ближе, и квартире он наследник, а папаша стал чрезмерно раздражителен.

Вот такой у них вышел казус в семействе Зориных-Ро-

щинских, так же в семействе Добросеевых, пока Тамара не сбежала, сказав родным невнятное „прости“. Доходит до вас, дружок Валя, моя идея?

Мне никто не докладывал, сколько стоит художество, из-за которого возгорелся сыр-бор, но всё больше кажется, что оно встало ценнее, чем думалось. И если вышло так, то я девочку Тамару не одобряю, но поняла бы... Просто воплощенная мечта, послать всех подальше, купить домик на Канарах и отдохнуть измученной душой. Дочка пристроена, сын Петя учится и живет у бабушки, муж отдыхает, а она пока повитает в грёзах и покупается в средствах. Потом, может быть, вернется, раздаст остаток и поделится впечатлением.

Такое у меня сделалось предположение, и Катя проверяла, не зная сути. Просто собирала сведения о прошлой и настоящей жизни Тамары. Может быть, Катя напала на след и идёт по нему? Тогда хорошо бы отозвать, потому что... Кто ж его знает, как было и есть на самом деле.

Если повалили крупные деньги, то люди могут оказаться крутые, оно всегда одно при другом. Вот что меня беспокоило насчет Тамары, хотя я считала, что Катя докопаться не может. Вот вы, Валя, как думаете, был у неё такой шанс, у Катеньки? Тогда я тоже начну беспокоиться, хотя больше помочь ничем не в состоянии. Кроме одного, конечно.

Пока мы с Катюшей крутили деловой роман вокруг Тамары, она носила в клювике письменные донесения. Вольным стилем, всякие подробности, потом по ним отчитыва-

лась. Вот весь набор в бумажном портфеле, изучайте ради Господа Бога. Если захотите уточнить, то родные и знакомые Тамары в этом списке, его кладу сверху, по нему Катюша двигалась, я вам копию составила. Вы сыщик от Бога, не то, что мы скромные рабочие клячи, вам и документ в руки! Ищите нашу Катю, может, и о Тamarочке что-нибудь проклянется, а?»

(от первого лица Отче Вали, вновь)

Вот такую знатную речь я выслушал от незатейливой старой дамы, взял бумажный портфель, вышел вон, а на улице почти заплакал от горечи и бессилия. Правильно говорят, врач не может лечить и резать близких, а сыщик не должен искать пропавшую подружку Катю, мешают эмоции и слезы застыт глаза. Ведь если сказать по чести, то с бабулей Любочкой мы были квиты! Как она утаила половину информации и замазала шероховатости, так ведь и мне, грешному, было, что скрывать не к своей чести и выгоде!

Как она стояла насмерть, что не видит реальной связи между почившим ложным маляром у Добросеевых под дверями и художествами беглой Тамары – мол, случайный покойник упал под случайными дверями, и всё тут! Так ведь и я, сыщик от Бога или от кого там, тоже оберегал свои секреты и не молвил ни словечка. Ни Павлику Петровичу, ни Любочке Борисовне, никому не доложил про мост «Багра-

тион!»

Иначе были бы со мною другие разговоры, иные последовали бы выводы! А как лопухнулся сыщик хренов, покорный ваш слуга, так язык не повернется выговорить! Оттого так сердился на Павлика и Любочку. Мол, подвели они нас с Катьшей, с прелестным, хотя и безмозглым моим дитятком!

№ 3. Мост «Багратион», рассказ от неназванного лица

До той скверной поры никто данного моста через реку Москву видеть не мог, вернее не хотел, не случилось как-то. Знал, понятно, что оно было перекинуто в стеклянном и бетонном великолепии с одного берега на другой. Зачем, собственно, никому неясно и чрезмерно дорого!

Слышали, но не видели, и не видеть бы дальше, как бы не случился звонок по мобиле от одной знакомой дамочки! Не жалея чужого дорогого времени, сие прелестное, хотя и глупое создание, пробилося однажды серым утром и давай щебетать по нещадному тарифу!

– Ах, так занятно, так любопытно, ты мне нужен, и сейчас просто умрешь от счастья! – так примерно я воспринял писк и щебетанье.

Далее более, а минуты слагались себе и шли на счет МГТС!

– Вот видишь сам, как вышло, вот он результат! – доложи-

ло неумное создание с чувством хорошо исполненного долга.

Милое сие существо, оно по моей наводке искало следы другой полнейшей кретинки, кинувшей целое семейство и всех поставившей на уши. А мне уши прожужжали, какая загадочная была эта самая Тамара, чем дышала, что думала, и как слагалась её судьба, пока она не кинула родных и близких с большим прибором.

Создание, которое у нас работало по той Тамаре, оно, знамо дело, прелестное, но увлекающееся чрез меру. Сидела бы лучше дома и варила кашку мелкой детишке, все были бы счастливы! Но нет, пришлось оторвать детку Катю от плиты и корыта, вот теперь наступила расплата по тарифам МТС.

– Как обычно сортировала рекламу из ящика, чтобы не упустить счёт за телефон, а как ты знаешь, они кучу дряни суют каждый день, вот и приходится смотреть внимательно, – тем временем объяснялось создание, хотя без особой надобности, и так было ясно. – То худеть зовут, то обещают нечеловеческую потенцию, то вдруг колдунья Яна возникла, желает предсказать, всё на выброс. Но вот смотрю и глазам не верю. Обычная бумажонка, коттедж предлагают строить из бруса...

– Короче можно и без бруса? – корректно воззвал я, несчастный. – Или перезвони на стационар, оно денег стоит, время, то есть.

– На стационаре у тебя глухо, ведь программка стоит? –

созналось догадливое создание. – Так что потерпи. Не жадничай, небось, не сам по мобиле платишь, а фирма. Так и быть, домик из бруса мы пустим побоку, потому что поперёк листка я нашла послание без адреса, но с подписью. Кто-то дошел до моего ящика и сунулся. Оглашать текст, или освободишь стационар от оков?

– Черт с тобой, золотая рыбка, оглашай, – согласился я. – Все равно не отстанешь, пока не добьёшься своего. Хотя прошу помнить, что я не очень-то причем, ваше дельце со старушенцией, отнюдь не моё.

– Сейчас будешь при том, – посулило наглое существо. – И потом тоже. А пока оглашаю. Кавычка. *Имею сведения о Т. Ежедневно на мосту Багратион 15.00. По дорожке туда и обратно. Демон.* Кавычка закрывается. Буквы большие печатные, чёрные. Ну и как, пойдём на мост?

– Демон у вас с дурой Тамарой какой-то очень уж бесцеремонный, – пожаловался я откровенно. – Влез в почтовый ящик, зачеркнул дом из бруса, задал загадку для детского сада и зовет на мост, прогуляться туда и обратно. Он мне заранее не симпатичен.

– Завязывай придирааться, зайчик, – отозвалось создание. – На мосту и осмотрим демона, может быть, он не такой уж... А то для чего твой «Аргус»? Кто должен смотреть в тысячу глаз, каких демонов мне, бедняжке, сам подсунул? Я пойду по дорожке, а ты подстрахуешь незаметно, ага? Может быть, и завершим дельце, особливо, если Демон с Тамарой в

одном флаконе, как в указанной поэме.

– Всё-то у тебя, прелесть моя, так просто и невинно, – предостерёг я, а потом внёс предложение. – Давай лучше оповестим, кого надо, прежде чем ловить демонов на мосту, или как?

– Давай лучше не будем, Отче Валечка, – заныло безмозглое создание. – Давай сами поглядим, какой он? Сам заключил, что простенький, немудреный, раз такие письма кладет в ящик. И окажемся с результатом, нас похвалят. Давай соблюдём секрет!

– Играешь с бабулей в экстра-класс? – заметил я сухо. – Вас не тщеславие ли заело, милый друг? Хотя, хрен с тобой, с моста тебя не кинут, там вроде стены стеклянные, и народ, кроме меня наберётся. Не одобряю, но готов способствовать твоим глупостям, они вроде впрямь простые и не очень опасные, так дурость одна.

– Вот и чудненько, пойдем на мост сегодня? – заявило глупое существо.

Вот так мы оказались на мосту над речкой, хотя лично мне это самое предприятие стало поперек души. Дитя Катюша включилась в идиотское расследование, с ней стали играть в придурочные игры, не исключено, что та самая Тамара, а она только радовалась жизни. Еще бы, её позвали на мост делиться секретами о Тамаре, которую никто найти не мог.

Однако саму Катюшу вычислили и нашли, пока она бежала. Но и аз многогрешный бросить глупейшее дитя не мог,

мало ли какие демоны тащили её на свидание с собой! За нею следовало приглядеть в оба глаза, тем более, что она сама напросилась слёзно.

А вышел из всего один лишь пшик с прибором! Как мы условились, я приволокся к тому пятакчу, где возле чуждого городу строения сидел на лошади давно покойный князь Багратион, и зачем его сюда притащили? Причём сидел он вместе с конем невыразимо мерзко, оба присели на задние ноги, просто-таки завалились в чугуне, так и хотелось подставить им, скорбным, табурет! Иначе мерещилось, что они, чертовы монументы, прямо на глазах усядутся на чугунные задницы! Я решил, что покойный главнокомандующий, такого позора не знал с 1812 года, когда пришлось отступать с войсками от Смоленска! Думается, что и тогда он сидел на коне изящнее, всё же из князей!

Ну да ладно, пока я осматривал монумент, то заметил, что мимо мелькнуло видение, одетое, прямиком на парад и расписанное, как картинка! Пожаловала Катя и бодро метнулась ко входу, минувя нас с присевшей лошадейю и князем. Пришлось незаметно следовать за лиловым пиджаком стройного видения, хоть оделась она приметно, облегчила задачу. И какой-то хвостик изящно пристроила на макушку, так за ним и следовал, хвалю!

Однако этим наши удачи исчерпались на означенный день и час. Все разнородные чудеса пешеходного моста мы осваивали на пару с глупым существом. Дорожки на мосту ока-

зались не простые, а самодвигательные, двухсторонние, действительно удобное местечко обозначил самозванный Демон для незаметного свидания.

Мое прелестное создание приметно каталось в медленном темпе, стоя на плывущей дорожке, мне досталась роль чисто созерцательная. Туда и обратно, раза четыре подряд Катя в лиловом одеянии проехала по мосту – только это мне удалось созерцать раз за разом. Никто знаков не делал, пассив не предпринимал, короче, ни один демон к детке Кате на свидание не подошел! Народу на мосту нашлось немного, среди редкой гуляющей публики не удалось выделить буквально никого, такая проехала незадача.

Когда милейшая Катюша устала ездить, она с поникшим хвостом на макушке покинула дорожки-самокатки и с горя забежала в «Венскую кондитерскую» заесть разочарование дорогим десертом. Я туда заглянул мельком, но сразу вышел и ждал неудачницу далеко от моста в условленном месте. О чем у нас шли беседы, пожалуй, что лучше умолчать, мне не удалось проявить должной сдержанности, в чем себя очень виню.

Хотя я указал бедняжке на допущенные недочеты, хотя предостерег от общения с вульгарными самозванцами, набившимися к ней в почтовый ящик, хотя высказал здравое предложение послать дурных шутников далеко и надолго, но боюсь, что достиг как раз обратного. Катя, бедное моё дитя, вовсе не предостереглась, вместо того обиделась на ме-

ня, взявшего ненадобный менторский тон. Особо неприятно вспоминается последнее слово, я довёл до сведения детки, что у неё не расследование, а бардак дурного вкуса, не стоящий выеденного яйца. Помянул все кухню и корыто, как занятия более свойственные... И что в результате вышли пустилки и дилетантские потуги с обеих сторон, даже с трёх – включая ту самую Тамару. Вот так прямо сказал и упустил детку Катю с концами.

Нынче приходится думать с ужасом, что о следующем приглашении на подобное свидание Катя заведомо промолчала, застеснялась, как бы опять того не вышло. А мне, самонадеянному придурку, только и остаётся гадать, куда и зачем увлек Катю самодельный Демон во имя Тамары на сей раз. И отчего она оттуда не подаёт вестей. Кроме того, настырно лез в голову неживой псевдомаленький, который валялся у Кати на пути как бы случайно, она через него шагнула и забыла, а я забыть теперь не мог, не получалось!

Вот вам игрушки от милой старушечки! Так я думал и гадал, пока нёс к себе бумажный портфель с домыслами и докладами. Катя искала следы беглой Тамары, адвокат Любовь Борисовна исповедалась в грехах Тамары по части семейной собственности, а как в ребус вкладывались такие детали, как тело на ступеньках и вызов от Демона на мост – вот в чем состояла главная печаль, неизбывный кошмар сыщика!

И увы, никакой реальной помощи не предвиделось, кро-

ме как от самой Катюши, причем мимовольно и с большим опозданием. Если ей привелось заметить нечто нужное, далее записать к докладу для старой ведьмы Любочки Борисовны.

Вот я, удрученный, и пошел искать, кто не спрятался, я не виноват!

№ 4. Опять от лица директора Аргуса, для доклада незнамо кому ещё

Спешу донести до сведения тех, кого это касается, что домашнее задание по документам от Екатерины Малышевой некий Валентин Михайлович выполнял именно что дома, притом в нерабочее время, для детки Кати нам не жаль ничего. Дом был не его, а Катин, но это детали. Потому что ноги сами принесли директора туда, откуда он вынес тревожные догадки о местопребывании хозяйки. Хотелось освежить впечатления, вникнуть, сосредоточиться на предмете, не исключено, что выловить не замеченную ранее подробность.

Так и оказалось. Директор «Аргуса» помнил, что на квартире Кати в тот раз привиделись какие-то бумаги навалом, ранее не бывшие на виду. Возможно, высыпанные из антресолей, скажем, принадлежащие супругу Мише, или непонятно чьи, скажем деловые.

Тут директор может по праву остановиться на такой по-

дробности. Он, и никто иной, кроме разве что супруга Миши, является единственным в мире экспертом по «бардаку в жилище Кати». Из этого драгоценного источника можно и нужно черпать различные сведения о принципах и деталях жизни замечательной нашей детки.

Во-первых, самым тревожным симптомом является как раз отсутствие бардака. Если в жилище у Кати порядок, то можно ручаться, что она где-то на полдороге к клинике пограничных состояний и мучается страшно.

Такое доводилось видеть всего лишь пару раз, и этого вполне достаточно, смею заверить. Оба раза связаны с крушением личных надежд и уходом в никуда разных идиотов, которым Катя благоволила.

На сей раз, ничего подобного не наблюдалось, слава великому Богу. Потому что, если бы довелось застать в квартире порядок, совмещенный с длительным и неясным отсутствием Кати, то все были в полном праве предположить самое худшее и нанять водолазов шарить по дну реки.

Ну, как я упоминал, о том речи не идёт, и замечательно. Еще в первый раз, когда директор «Аргуса» вошёл в дом, не станем расписывать как, то сходу сделал выводы, которые излагал ранее (см. выше). Что, судя по детской комнате и спальному покою, домашние у Кати пребывали в отсутствии. Катя упоминала, что сын при бабках на дачах, а муж Миша вновь загулялся по заграницам по своим живописным делам, поехал и застрял. Следовательно, жилище вещало о жизни и

деятельности самой Кати.

Они обе, то бишь жизнь с деятельностью, протекали в большой комнате и на кухне, о чем свидетельствовали разные предметы, находящиеся в состоянии хаоса. Опытный наблюдатель мог представить, как наша Катюша ела бутерброд и одновременно изучала некое печатное издание: вон блюдец с крошками на раскрытой книжке, оба предмета сверху журнального столика. И старенький компьютер сбоку, почти на весу, его она отодвинула, чтобы поесть.

Это Катя работала, даже можно заключить над чем, под столом гора бумажного мусора, чтобы не ходить далеко и не рыться зря. В первый раз наблюдатель особо не разглядывал, над чем милая Катя трудилась, его сразили другие виды. Он понял, как детка-прелесть собиралась, и уже почти валялся в обмороке. Потому что собиралась она, как делала это обычно, косметика на диване, рваные колготки на полу, мешок с носками вытряхнут под кресло, чтобы сразу нашлись парные. По всей видимости, они нашлись, наделись на прелестные ножки и уехали вместе с Катей.

Непарные остались на полу, наряду с тапочками и мужниной рубашкой, которая сходила у Кати за халат, всё это тянулось, как хвост кометы, по полу и по мебели. Хорошая, лаковая сумка валялась на диване, раскрытая и выпотрошенная, значит, Катя переложила содержимое в другое место, покрепче и поплотнее. Такие уютные домашние виды наряду с длительным отсутствия хозяйки послужили базой

для реального беспокойства. И лиловый пиджак на кресле, а так же парадные туфли-лодочки под ним. Надо думать, что Катя собиралась приодеться и приобрести, потом передумала. Может статься, её переубедил дождь за окном, или же... Ну не важно.

На второе нелегальное посещение квартиры наблюдатель, именно директор «Аргуса», припас себе другую задачу. Он собрался реально восстановить по мусору в доме ход мыслей и настроений потерянной Кати. К общему пиршеству той самой мысли он нёс в опустевший дом бумажный портфель от бабушки Любочки. Там находились, так сказать итоги, чистовики. Оригинальный источник с возможными вариантами, надо полагать, сеялся в наброску у Кати по квартире. Как оно и вышло, конкретно под журнальным столом.

Вновь со слезою убедившись, что на квартире Катя давно не появлялась, директор-наблюдатель приступил к работе с бумажным мусором. Под столом лежала куча бумаг и картона, но отнюдь не принадлежащая Кате! Не её рукою исписано, не её духом проникнуто, чужое и неприятное барахло, глаза бы не смотрели. Понятно, что мусор относился к Тамаре, демон ее возьми! (Влетело не из той оперы, не к тому докладу. Вычеркнуто.)

Теперь к докладу. Наблюдатель, утерев слезу и пнув ногою мусор, наконец, сформулировал задачу. Вычислить, откуда что взялось. А именно. Вот в портфеле от бабушки Любочки плоды трудов, результаты вдохновенной работы над

документами и архивом.

А кто дал-то? Откуда взялась у Кати эта стародавняя чужая труха? И почему она держала архив под столом, что надеялась оттуда извлечь?

Поскольку старушка Люба ничего подобного не упоминала, толковала, что Катя вела общие разговоры с родными и близкими беглой Тамары.

Стало очень любопытно, кто расщедрился на Тамарины нетоварные остатки и с какой, собственно, целью? Куда и кто захотел завлечь нашу Катю, в какие пучины?

Вот наблюдатель и уселся в кресло, держал под ногами мусор от Тамары и тщательно изучал доклады по ходу действия. По мере изучения обнаружилось, что мусор-архив пришел сам, это фигурально выражаясь. Катенька то ли забыла, то ли поленилась доложить старушке, что один из опрошенных сунул ей куль с бумажной трухой. Утаила, крошка хренова, имя главного и щедрого информатора, следовательно приходилось рыть самому. Далее, взявшись за гуж, директор-распорядитель, он же бедный Валя, стал сортировать легальные донесения. Извольте кушать.

№ 5. Доклады для адвоката-заказчика, от Кати Дмитриевны. В дивно напечатанном виде на хорошей бумаге, она старалась

Документ А. Зорины-Рощинские, пошли вне очереди, аб-

солютно случайно, милль пардон!

На даче я зашла не на ту половину, искала тётечку Еву, попала в родовое гнездо, оказалось, что они живут стенка в стенку. Сюрприз. Второй сюрприз – в этом гнезде никто не знает, что Тамара упорхнула, теребили меня зря, о чем ни попадя, тянули за язык, но беспредметно. В гнезде нашлась родная сестра Тамары (надеюсь, что они не похожи, иначе берите взад, такое не ем!) и её свекровь, также у плиты сидела бабушка. Чья – Бог весть, очень старая и неласковая.

Так вот сестра, хорошо, что у меня такой нету. Кисло-сладкая дамочка, обильно сокрушалась, как у Томочки жизнь не сложилась, как им всем родным и близким, жаль её, бедную. Такая девочка была, некрасивая, неживая, незадачливая, кто теперь ее пожалеет, как не родные? Вся просто изошла рептильными слезами, это когда поймала меня на выходе от Евы, специально таилась у забора. До того изошла любопытством, зачем мне нужна Ева. Пока не послала за забор, где Ева и проживает в одиночестве.

А та в свою очередь, Ева то есть, чуть не взвыла, когда поняла, что я побывала за стенкой. Какие-то секреты имеют место у них в семействе. Это мой первый вывод. Далее всплыли неясные догадки насчет некоего Белоглазова, действительного члена коллегии. Это сестра всю дорогу поминала всуе того и другую, из чего родилось подозрение, что он чей-то коллега (если из коллегии?), или я очень ошиблась? Сплошные тайны косяком, второй вывод.

А в дальнем конце дачной тропинки вообще было нечего. Только я рассталась с унылой сестрой, так набежала свекровь (ее, надо понимать, а чья ещё?). За кого она приняла Вашу покорную слугу, это тоже тайна, но не важно. Однако настояла, чтобы сделать важное сообщение о семье Зориных-Рощинских. Её право, я послушала тщательно.

«Они вообще-то неродственные крайне, и даже бабушку сожгли!» – на месте сообщила свекровь. Я буквально села в траву и не поднялась, пока не узнала, что старушку легально кремировали честь по чести. Ну да ладно, бывает и не такое, я не в обиде. Вслед за сожжённой бабушкой настала очередь Тамары, я узнала, что «сын у неё неродной, а дочь прямо-таки внебрачная», это я мягко перефразировала. «И девку за деньги продали бандитам...» – я уже никуда не садилась, но не переварила. Пусть побудет тайной.

Свекровь, когда поняла, что меня подобными ужасами не проймёшь, в досаде удалилась. Может быть, следовало её разработать, но я не смогла.

Вот и все покамест о родимом семействе, очень таинственно, крайне.

Документ Б. Тетка Ева, как было указано первоначально.

Если начинать без Адама, но с Евы, то первым делом я узнала, что она со стороны матери её! Это не брань, просто уточнение. Не знаю, какой там красоткой Ева была или

слыла, сейчас мало что видно, в отличие от иных некоторых. Комплимент.

Да, как я попала к Еве с приключениями, я уже излагала в документе №А, так что без повторов. Ева первым моментом выложила на стол телеграмму от племянки и в, отличие от клиента Добросеева, разрешила унести с собою. Если вдруг не донесётся, то вот текст. «Тёточка Евочка! Не волнуйся, меня искать не надо. Я в хорошем месте и в хорошей компании, однако, побуду там. Пока. Твоя Тамара».

Хамская телеграмма, хотя ласковая, не скрою. Адресатка Ева тоже примерно так считает, она сдержанно обижена, тем не менее рвётся заслонить племянницу крылом от возможной критики. Позиция такова.

Тамарочка всю дорогу была прелестная детка, красивая, весёлая и умненькая, а те, кто рядом болтался, все девочку обижали, не ценили и толкали на всякое разное, а она очень благородная была, деточка Тамара. Всегда для других, а для себя – даже не думала. А уж не жадная – так просто до святости, вся в тётку. Да, начала Ева насчет людской жадности с того, что пнула «гадюку Ксанку» за стенкой, свою младшую племянницу. Та свила змеиное гнездо на другой половине дачи, сестрица Елена ей позволила. (Кто кому сестрица, заказчику виднее, я не вникла.)

Так вот в змеином гнезде свились клубком родичи Ксанки по мужу в огромном количестве, плотно уселись и вытеснили Тамару с детьми начисто. Елена и это позволила, ну да

Бог ей судья.

А семья Тamarочки перебралась за стену к тетке Еве, не пропадать же им на лето из-за чужой жадности. Ну, Аня-то Тамаре родная дочка, дело святое, а вот Марианна с мальчиком каждое лето гостили у Евы, сколько хотели. (В следующий раз мне бы пригодилось какое-то, хоть самое завалившее семейное древо, не то всплывают имена и титулы, а зуб неймет. Это насчет Марианны, которая тоже в списке значится, однако не проясняется, хотя гостила с мальчиком на даче).

Так бишь о чем я, вернее, Ева? Обо всех, кто пользовался добротой и бескорыстием Тамары. Начиная с бабушки Полины, надо думать, она та самая, которую дружно «сожгли»? По мнению Евы, бабушка Полина Юрьевна была отменных статей авантюристка, чего только не сочиняла и не проворачивала. С ее причуд беды и пошли, это точно. И Марианна с ней заодно, любимая невестка была у Полины, как дочка родная. Вот они и чудили с Тamarочкой, как хотели, та бабку уважала и слушала. А Марианна – это вообще лиса! С виду овечка овечкой, а так себе всё устроила, не подкопаешься! С её дочкой Инночкой Тамара с детства возилась, играла, таскала с собой, кавалеров приводила прямо к ним в дом, просто косяками! Не себе, а Инночке, представьте только! Ну да грех это, ладно... Инночки давно на свете нету, и девочка была безответная, миленькая, Тамаре в рот смотрела всю жизнь. А уж Тамара ей за любовь честно отплатила, никто не скажет иного, была вместо родной матери и даже лучше.

Сама Марианна ни словечка против не молвила, знала, как Тamarочке обязана по гроб своей жизни. (Это мне уже не под силу, древа мне, древа!) Хотя что-то брезжило, потому что Гриша Добросеев в головоломке появился наряду с Марианной, ну да Господь с ними, я не затем на дачу ездила, прошу прощения.

Я, конечно, задала тете Еве тот самый вопрос. Не знала ли она как самое доверенное лицо, с кем бы Тamarочка могла уйти от Гриши Добросеева, и реально ли это. Предварительно польстила, как смогла.

Скажу честно, толкового ответа добиться не удалось. «С одной стороны нельзя не отметить, с другой стороны нельзя не заметить», примерно так долго и убедительно толковала опытная Ева. С одной стороны Тamarочка пользовалась головокружительным успехом в юности, романы следовали один за одним. Потом, видите ли, Гриша Добросеев, он хоть красавец собою, но скучноват, понятно, что Тамара могла и... Положим, что на работе, в журнале своём, там мужики ходят отборные. Кто бы бросил камень, но не Ева.

С другой стороны Тамара очень порядочный человек, она с первым мужем развелась очень достойно, и если бы хотела кинуть Гришу, то сделала бы прилично, а не так по-детски, взяла и сбежала. Но, правда, если внезапная и большая любовь? Могло быть и такое, у нее с первым мужем был страстный роман, ушла из дому, никого не спросила, и до этого бывали увлечения. Ещё в школе в самом последнем классе,

перед экзаменами и поступлением почти вплотную. Ева вся дрожала, боялась, что не поступит девка, провалится, та прямо витала в облаках. Но у девочки голова в порядке, ничего не скажешь. Любовь сама по себе, а дело делом. Поступила, как миленькая, набрала все баллы.

Далее к моему удивлению, Ева сделала крутой вираж и вернулась к бабушке Полине, мол, оттуда всё пошло. Бабкино воспитание, ее байки и причуды. Даже почему-то её распоряжения. Вот распорядилась старуха прямо на одре, и теперь Тamarочка мается, любовь там или не любовь, но всё пошло с Полины. Типа того, что Полина руководит поведением внучки из-за гроба, Тамара вынуждена считаться и живет по указке. (Этот пласт оказался недоступен, я излагаю, как могу, в составе мнения тетушки Евы, покойная бабушка мне не по зубам.)

Кстати, пока не забыла, а как насчет первого мужа Тамары? Он у меня в Вашем поминальнике не значится, может быть, следует? Вдруг Тамара вновь к нему сбежала из дому, прецедент имелся, вдруг старая любовь очнулась и расцвела? Хотя бы и вторая?

Про первую в школе – это, конечно, никак, все мы по младости лет витали в грезах, оно приятно, но недостоверно. Вот первый муж, он как-то надежнее, а во-вторых, чужая свекровь доносила про внебрачную дочь. Это как следует понимать? Хотя бабушку она тоже сожгла, не моргнув глазом, и девочку продала бандитам за деньги, уже после Евы.

Всё, начала я с Евы, а теперь и перечесть боюсь, чего насобираала, прошу простить великодушно! Однако на вопрос, не знает ли чего Ева, вышел четкий ответ – Ева конкретно ничего не знает или не говорит, если знает.

Поскольку мне будет дозволено привести цитату, то все мы «в туманном движемся окне» в неизвестном направлении. И если опять же позволят некую ассоциацию, без оснований, на чистой интуиции, то непонятно почему стучится в дверь бабушка Полина Юрьевна. Нечто, связанное с нею, не дает покою заинтересованным лицам, она незримо витает в мыслях и домыслах, как некая точка отсчета. Позволю себе вольный образ, и прошу не корить за излишества воображения. Тайна бабушки Полины – это и есть черная дыра, втянувшая в себя Тамару. Во всяком случае, слишком много толков о давно опочившей Полине, коей Тамара является, как я поняла, старшей внучкой и наследницей по духу. (Но её, то есть Полину, я разъяснять не стану, хоть увольте!)

Если я заблуждаюсь, то пусть старшие товарищи меня поправят. И это всё о Еве, впрочем, она завела себе мобильный телефон и просила сообщить номер. Может статься, что кому иному она расскажет больше, я-то ей человек чужой, иного поколения. Но зачем она прикупила мобильник, это еще вопрос. Если ждет вестей от Тамары, то ведь и той надо номер сообщить, не так ли?

С тем остаюсь, искренне ваша и, надеюсь, не потеряв расположения из-за проявленной бестолковости. Их, то есть

субъектов опроса, оказалось многовато, а дерева под рукою не нашлось. Привет от Кати.

Документ С. Дочка Анечка, песня без слов:

Дочка Анечка, найденная по телефону, видеться не пожела-
лала и кратко уведомила, что мама ей позвонила и попроси-
ла не беспокоиться отсутствием, которое может продлиться
долго. Просила так же не забывать звонить Пете и присмот-
реть за ним. Отца по этому поводу лучше не беспокоить, он
и так будет недоволен, пусть поварится в своем соку. И ко-
нечно, забегать к тётушке Еве, она одна, как перст. Осталь-
ным никакой информации не давать, очень желательно. От-
бой, конец беседы, и эти крохи я добыла с немалым трудом,
по рекомендации от Евы.

У меня потом возник вопрос: какого такого отца не бес-
покоить? Как я поняла, дочка Аня от первого брака, или во-
все не от брака. Или отцом она полагает Гришу Добросеева?
Скорее всего, очень уж вольно они обе с ним обращаются. А
реальный отец, как с ним быть, и нужен ли он нам? А если
и нужен, то зачем?

Жду ответа, как соловей лета. Опять же Катя

Документ Д. Сын Петя, мамин любимец, хотя и пасынок.

Приятно сообщить, что с парнем довелось пообщаться во

всеоружии знания, информация никогда лишней не бывает. С того момента, как стало ясно, что мальчик Петя – сын Гриши Добросеева и покойной кузины Инночки был принят Тamarою на руки в возрасте двух лет, а до того был любимым племянником – мне стало значительно легче вникнуть в семейные хитросплетения. В особенности, когда узнала, что с покойной Инночкой Тамара дружила с детства. Мальчик Петя, как я поняла, стал единственным, что у Тамары осталось от любимой сестры.

С ребенком Петей я встретилась на улице между его делами, однако мы поговорили основательно. Парень, надо отдать ему должное, приятен на вид и хорош в общении, сдержанно-приветлив, почти без подростковых комплексов. Совершенно не стесняется, что привязан к Тамаре, мне очень понравился. Кстати, на отца не похож абсолютно, как бы из другого теста, физически и морально, совершенно иная фактура. Стройный, изящный, приветливый юноша.

Так вот у юноши я получила исчерпывающую информацию, и, прямо скажем, при моём знании предмета, на ней бы остановилась. Он изложил резоны на диво доходчиво. (Кто знает более меня, пусть, однако, решает сам, стоит ли копать дальше.)

Сын Петя, когда с ним установился надлежащий контакт, сообщил, что маман Тамара однажды явилась к нему после занятий, увлекла в близкую пирожковую и начитала буквально следующий текст.

«...Что у взрослых бывают свои проблемы, в данный момент у неё как раз возникла, поэтому она какое-то время поживет отдельно от всех. В том нет ничего мрачного и загадочного, но обстоятельства сложились, посему ей стоит на некоторое время отделиться без объяснений.

Чисто персональная проблема, она знает, что делает, во всяком случае, на это надеется. Далее ей хотелось бы, чтобы никто не выяснял отношений и не искал вину, упаси Создатель. Насчет отца – там довольно сложно, он не понял и сердится, так и следует быть, пускай Петю это не волнует.

Может быть, встречаться с отцом дома им не обязательно, он в большом раздражении и сам не захочет, скорее всего. Но если кто из посторонних, кроме Ани, Евы и отца попробует выяснить, где она, то сказать чистую правду, что Петя понятия не имеет. Лучше всего не пускаться в долгие разговоры, а невежливо буркнуть, мол, „туда ей и дорога“»!

Тем не менее, со мной он поговорил, подчеркнул мальчик Петя, потому что тетя Ева попросила, а то бы никогда. Но он сам сообразил, что в моём случае не желается никакого зла, Петя всегда разбирает. Кстати, маман Тамара тоже знала эти штучки, по одному разговору по телефону могла определить отношение, прямо в точку. Это у них от прабабушки Полины. Мама Инна, которую он не помнит, тоже...

А вот Анька – нет, ей надо растолковать и разжевать. Другая система. И отец, они с Анькой, как родные, зануды страшные, им непременно разложи по полкам и прицепи яр-

лык, пока объяснишь – устанешь. Наверное, поэтому, додумался мальчик Петя, маман Тамара не стала особо объяснять, потому что не поняли бы, и теперь обижаются.

Выглядела она, маман Тамара, недурно, может быть, по-другому, чем раньше, но была полностью сама своя, если я понимаю, о чем он говорит. Не напряжена, не заторможена. А что по-другому? Сейчас. Чуть-чуть оттенки другие, причесана иначе, вид слегка иной, но не слишком.

Что она решила начать новую жизнь, Петя не думает, иносказание понял, насчет нового мужа. Как она сама упоминала, маман Тамара, ей тех мужей, каких имела, хватает до гробовой доски, об этом можно не беспокоиться. Петя, конечно, не знает, каков в быту Анькин отец, а вот его личный – это нечто, далеко не подарок. Честно и откровенно. Может быть, Петя сам такой будет, никто не зарекается, но не хотелось бы.

Под занавес беседы милый ребенок подчеркнул, что о маман Тамаре он не волнуется, с ней всё в порядке, иначе бы он знал. Как она всегда знала, когда у них с Анькой бывали проблемы, каким-то верхним чутьем. Никому другому беспокоиться он бы тоже не рекомендовал. И тут же испросил извинения, что навязывает свои соображения. Вскоре юноша заспешил и побежал, отослав меня к своей бабушке Марианне, она-то скажет о маман Тамаре много чего. И вообще обо всех, только следует слушать, а не спрашивать, отчасти направлять, а так чудесная старушка.

Конец беседы.

Глава третья

№ 1. Читает и думает неуказанное лицо

«Кто писал, не знаю, а я, дурак, читаю» – цитата с забора отличнейшим образом вписалась в качестве эпиграфа к следующим трудам детки Кати...

Для кого и чего делались стенограммы, записи бесед и комментарии – не выяснено, они лежали в компьютере, а что потом с ними случилось – Бог весть, хотя, Катя, наверное, тоже. Однако никому иному не ведомо, тем не менее приходится привести в действие для полноты картины.

Виртуальные труды в натуре. Файл: «о чем» (?)

...О чем я собираюсь сделать запись, так до сих пор и непонятно. Да, действительно, я побывала с несколькими визитами, имела долгие беседы непонятного профиля, слушала, спрашивала, но никак не соображу до сих пор: к чему это я?

Наверное, решила исповедаться компьютеру по тем же принципам, по каким люди беседуют с собакой, машиной или лошадью, вроде бы имеется собеседник, хотя и бессло-

весный. Главное, что возражать не будет и не разгласит. Тем временем автору определенно станет легче. Пока что ему, то есть мне, весьма нейдет и каким-то удивительным образом. Сама не вижу связи данного мне вольного расследования и личного активного интереса к нему. Понятно всем и мне в первую голову, что дело Тамары Зориной-Рощинской, она же Добросеева – весьма себе незатейливое и ненужное.

Нет, родным и близким Тамары, им, ясное дело, очень интересно, куда её унесло, а главное – почему? Ненужное оно всем посторонним искателям информации. Я могу согласиться, что моя любимая женщина Любовь Борисовна интересуется Тамарой и тайной ее исчезновения просто по доброте душевной, поскольку страдает старой подруге Еве и хочет внести покой во взбаламученное семейство сбежавшей Тамары.

Ну ладно, я даже могу допустить, что там возникли секреты по юридической части, которыми любимый адвокат со мною делиться не желает, её полное право! Но даже при всём вышеуказанном, дело о сбежавшей Тамаре никакого интереса не представляет изначально. Друг и бывший шеф О. В. твердил таковые слова неоднократно, мне самой это яснее ясного, но тем не менее!

Что-то держит и даёт бросить. Ни просьба многоуважаемого П. П., ни живейшая симпатия к любимому адвокату, ни даже полученная в счет аванса роскошная коробка от Нины Риччи к сему отношения не имеют.

И даже не чувство вредности руководит, хотя оно развито основательно.

О. В. сказал, что мы со старушкой дружно маемся дурью, к тому же она слегка водит ассистентку за нос. Не отрицаю, но даже и не это. И отнюдь не вызывающее дрожь начало расследования, приехала сыщица хренова к брошенному мужу и шагнула через мёртвое тело на обратном пути.

Страшно и завлекательно, не спорю, но, отнюдь не сыскная лихорадка имеет место, к тому же покойник и впрямь случился посторонний. Мне это мальчик из органов объяснил с удручающей достоверностью. Мол, кроме нас с мужем Гришей подозревать некого, а ежели мы не убивали паче чаяния, то просто забрел неведомый ханыга в открытый подъезд по своим делам, там у него случилась разборка с кем-то, столь же неизвестным. Такого в столичном мегаполисе случается гораздо более, чем хотелось бы, объяснил господин Новожилов, в особенности, гораздо больше, чем ему хотелось на его участке. И если мы с Григорием Добросеевым будем упорствовать, что труп не нашего производства, то он, вероятнее всего, ничейным и останется. А кроме случайного мертвеца под дверями в данной ситуации не просматривается ровным счетом ничего интересного для наблюдателя.

Всё достаточно приемлемо и подробно растолковано. Главное действующее лицо объявило свою добрую волю и исчезло с обозримого горизонта. Точка. Лично я, некая Малышева, сделала, о чём просили, так что же еще? Еще мне,

детективу-добровольцу, понадобилось поискать и послушать немножко сверх установленной программы. И вот вам пожалуйста!

Как будто больше делать нечего, детектив-доброволец спрашивает разрешения покалякать сначала с некоей бабкой Марианной, а дальше – больше! Дальше энтузиаст-недоучка вымогает из заслуженного адвоката координаты первого мужа Тамары и едет с ним объясняться. Помилуйте, зачем? И на место службы мадам Добросеевой тоже черти носили.

Не скажу, чтобы милая Любочка Борисовна возражала, она кротко согласилась, только удивилась и сказала, «если насобираешь чего-нибудь вкусенького, так давай ко мне, я придумаю, куда приложить». Более ничем не обнадежила и своих интересов не раскрыла. Кто бы объяснил такого рода интерес к чуждой персоне Тамары Добросеевой? Никто, ну и ладно, попробуем с другого конца.

Не случилось ли вам, матушка Екатерина Дмитриевна, привлечь ту самую неинтересную Тамару к решению своих личных задач? Вот смотрим, возраст у неё чуть старше вашего-нашего, указанная Тамара прожила свою жизнь вовремя и насыщенно донельзя, а каков итог?

Может статься, в том и разгадка нездорового интереса? Лично я, тот самый сыщик-доброволец, надо сказать, чуть-чуть запоздала со своими делами, искала варианты, при которых совместились бы всё в одном, и кое-чего достигла...

Вот Тамара Зорина (со многими иными именами) земную

жизнь дойдя до половины, вкусила всех приманок и решила все задачи. Романы у нее были, семейная жизнь сложилась хоть трудно, но достойно, на службе-работе её ценили, хотя платили немного, со всеми родными-знакомыми отношения выстроились с разной степенью сложности, но стабильно, дети выращены и всё такое... С какой радости тогда она сказала всем «о ривуар» и исчезла в неизвестном направлении?

Если бы подоспел романтический финал, я могла бы понять такие выкрутасы, но ведь даже не виднеется! Или там и вправду поселилась роковая тайна бабушки Полины? Тамара вычислила и ушла в мир искать неведомо чего. Очень беллетристично, даже поэтично, но проблематично. Короче, не очень верится. Так что сорвало Тамару с насеста? Ага, вот и сама начала понимать, долго терзала себя и, наконец, вникла.

Примерно такое объяснение: некоей посторонней Е. Малышевой стало донельзя интересно, что именно согнало Тамару с места – реальная причина, либо неясные побуждения. Если резон к исчезновению данного лица отыщется прямой и конкретный, то мне будет легче, вот оно что. Но если выявятся невнятные побуждения, то станет очень неудобно. Неужели таким может оказаться итог вполне добродетельной и достойной жизни – а ну вас всех к черту, надоели.

Что, милочка Катя Малышева, боязно? Как бы с вами того не вышло? Не сей минут, а много позже, конечно. Поэтому решили доискаться причин, желательно серьезных, или

как? Всё равно выходит неубедительно и невнятно, прямо скажем. Однако, пришло время оставить в покое психоанализ, насладились самосознанием и довольны. Что сделано, то сделано, остается пожинать плоды.

Итак, мы самочинно побывали у старушки Марианны, где сейчас проживает мальчик Петя, родной внук, сын покойной дочки Инночки и Гриши Добросеева. Тамара его растила с двух лет и, надо думать, была к нему привязана почти больше всех.

Во всяком случае, с мальчиком она объяснилась по-людски. Марианну даже не поставила в известность, равно, как и многих других. Старушка узнала, что Тамара ушла в неизвестность куда из подслушанного разговора Пети с сестрою Аней. Они бурно обсуждали реакцию отца на уход жены, и Петя не остерёгся, Марианна услышала больше, чем следовало. И моментом позвонила Еве, бедняжке пришлось сознаться под грузом неопровержимых улик.

Из того же источника Марианна вызнала, что исчезновением Тамары занимается известный адвокат, чего никак не могла одобрить, но объясняться на эту тему старушка не стала, спохватилась и деликатно свернула в сторону. Но зато заметила, что вообще это всё неудобно. О своих семейных делах говорить с чужими людьми – просто немыслимое дело. Если бы не происки Евы, то никто бы её не заставил, хотя о Тамаре она ничего, кроме самого похвального сказать не может, да и не хочет.

Чуть-чуть подробнее о самой Марианне. Такая милая пожилая дама, приветливая, даже нарядная, квартира ухоженная, хорошая, имеются кое-какие предметы искусства, яркие цвета и подобранная гамма. Держится сама с большим вкусом, видно воспитание, чем-то похожа на внука Петю, стиль такой же, спокойно-доброжелательный.

Но иногда происходит сбой программы, такое случается по поводу дочки Инночки, покойного мужа и отношений Пети с Тамарой. Если не померещилось, то Марианне до сих пор трудно смириться с тем, что Тамара заняла место Инночки, хотя старушка понимает, что внуку Пете и ей лично очень повезло.

Но, тем не менее, сердцу Марианна приказать не может, ей больно, что Петенька вырос и любит другую женщину, не Инну, свою маму. А она так их любила, Гришу и Петю, так радовалась! Она бы Анечку вырастила, как свою... Становится ясно, что Марианна продолжает тайно мечтать о несбывшемся, о том, как бы в той машине сидела Тамара!

Ну да ладно, зато она рассказала, как Инночка и Тамара проводили время у них дома, когда были девочками, как водили друзей и знакомых, как им бывал рад Олег, покойный муж, как он беседовал с мальчиками, они так прямо к нему и ходили.

Вообще-то к Тамаре, она была на редкость общительная, хотя на свой лад. Непростая, очень непростая девочка была, хотя Инночка любила её без памяти. Вот бабушка Полина,

она Тамару хорошо понимала. Но, пожалуй, кроме нее – никто, даже родители, те младшую дочку Ксану больше выделяли. Тамара у них была вроде трудного ребенка. Как-то так вышло, ну и правда, очень непростая она, с выкрутасами. А уж с парнями как чудила, когда подросла, целые романы происходили прямо у них на дому. Кто-то в подъезде дожидался часами, кто-то по телефону постоянно выпрашивал, а Гриша...

Но он быстро одумался, вообще история была ужасная. Инночка ничего не рассказывала, но Марианна сама видела, что Гриша пришел с разбитой головой, мрачный, как ночь, слова не вытянешь. Тамару видеть не желал, лишь она являлась, тут же за порог! Инночка его утешала, как могла.

Хотя с Тамарой у Инночки размолвок не было, дочка всё прощала, всё понимала, молчала, что бы с Тамарой ни случилось. Но тайны знала наизусть, и про первого мужа, и вообще. Но никогда, ни единого раза не поделилась с Гришей! Даже с ним, и кто бы её осудил, ведь любимый муж, но нет!

Петенька её не помнит, совсем ничего! У него одна Тамара, он её «маман Тamar» зовет, с отцом рассорился, не ходит к нему. Нельзя так, правда, же? Вообще, хотя кто-то может сказать другое, но Гриша, он, конечно, женился для мальчика. Сначала долго не мог простить, но из-за ребенка... Что ж делать?

Тут я прервусь со стенограммой и попробую сделать заметку. Интересно мне, а кто разбил Грише голову? Не Тама-

ра ли? Или из-за нее? Было бы... Однако, спросить не риску во избежание аналогичных последствий. А впрочем, всё это пустая болтовня.

(На этом обрывке стенограмма и файл круто обрываются, от чего – неизвестно).

№ 2. Виртуальные труды, продолжение, читаем и плачем...

файл «зачем» (?)

...Зачем, собственно, наблюдатель ходил в малоизвестный журнал «Альбом Былого», наблюдателю неясно самому.

Любимый адвокат указала, что милая девочка Тамара работала в этом «Былом альбоме» с тех пор, как общегосударственная культура приказала долго жить. До того Тамара подвизалась на нивах образования, конкретно в академии педагогики, там что-то публиковали по части детского развития. После развала всех подобных кормушек для Тамары нашлось полукустарное издание, вроде временного пристанища для обломков советского культурного слоя, маленький уютный «тяни-толкайчик», слегка художественный, а больше коммерческий. Он долго обещался стать крылатым конем-Пегасом, но взлететь не собрался, денег, наверное, не

нашлось в достатке.

Ну да ладно, Тамара не чинилась, исправно работала, сама тоже писала статейки про искусство, иногда заказывала материал на сторону. А перед тем, как сделала всем ручкой, о журнале позаботилась, взяла годовой отпуск без сохранения содержания и поставила текущие дела на рельсы. Хотя тут обнаружилась зацепка, это сделалось раньше, чем можно было подумать, полгода как тому. Значит, правильно черт занес в журнал «Альбом Былого», выяснилось, что Тамара готовила исчезновение заранее, не так ли?

Хотя имеются несоответствия. Когда некая Малышева, пристала с данной неувязкой к близкой для Тамары сотруднице, та сделала полупризнание, от коего в любой момент грозила отказаться. Что вроде бы, хотя не точно, но нечто другое имело место, скорее налоговое и финансовое. Какие-то поступления от рекламы могли быть учтены по-разному, если кто-либо будет не штатным сотрудником, а наоборот. Реклама «Альбоме», существовала как основной финансовый базис, а вовсе не подписка с продажей. Для пользы дела – оно без разницы. Не очень понятно, но и не надо.

Хотя полезнее будет начать с начала. Издание-журнал «Альбом Былого» было найдено в центре столицы, в хитро-сплетении переулков между Лубянкой и Сретенкой. Там, где старинная обшарпанность на глазах сдает позиции и уступает место коммерческому обновлению. Старые дома и новая

начинка, узкие улочки и яркие вывески, грязь под ногами и скользкие до ужаса ступеньки из белого поддельного мрамора.

Наш «Альбом» оказался в уютном домике, на цокольном этаже, внутри этажи перестроились и отчасти спутались. Особнячок оказался изнутри забит и заселен офисами и разными конторами по всяким профилям. Кто-то из жильцов был богат и обустроил лестницу броско и с комфортом, кто-то ютился за ветхими дверями, к кому-то вели витражные ворота с фигурными ручками. Растеряться можно было запросто, и очень легко оказалось толкнуться не туда. Что отчасти произошло, но не фатально, поскольку жильцы друг дружку знали и быстро сориентировали куда следует. Однако и это неважно.

В финале затянувшегося пути обнаружилась милейшая девушка неопределенных лет, делившая с Тамарой Добросеевой малый кабинет об одно окошко. Где девушка ныне обосновалась в одиночестве и тоске. Она звалась Татьяной Сергеевной, потом просто Таней, очень плакалась, сетовала на отсутствие подруги дней своих суровых, с которой они делили рабочее место и прочее на равных и близких началах. Офисная дружба в чистом виде, привычное святое дело, весьма полезный источник сведений, если удастся задействовать. По счастью удалось.

Танечка Сергеевна от плача перешла к сладостным воспоминаниям о Тамаре, затем поделилась финансовым секре-

том, о чем уже указывалось, но и это неважно. Важное случилось иное, когда Татьяна подошла к порогу откровенности.

В отличие от прочих информаторов Таня Сергеевна пребывала в твёрдой уверенности, что подруга Тамара исчезла по крайне уважительной романтической причине. И ничем милую Таню с данной версии сбить не удавалось, у неё имелось внутреннее убеждение. Кстати, подкрепленное выразительными недомолвками самой Тамары.

Дело следовало таким образом. Когда звонил общий телефон, Татьяна иногда брала трубку и звала подругу Тамару к аппарату. Иногда Тамару просил к беседе неопознанный мужской голос, она брала трубку рывком и говорила невнятно и необычно. Потом, не то, чтобы признавалась, что романтический эпизод имеет место, но не особо отрицала. Спрашивала, почему бы и нет, разве Таня имеет что-либо против? Или чувствует обиду на счет Гриши Добросеева? Тогда может смело брать его себе на любой срок, ни от кого особо не убудет.

Итак, Таня Сергеевна выложила первые нестандартные сведения о Тамаре, хотя не вполне достоверные. Все мы на конторских службах слегка играем в романтические игры. Не так скучно сидеть на одном месте, если есть вечный повод интриговать друг дружку. Это как в средней школе, процветают слухи и сплетни, если недостает материала, то можно выдумать, чтобы не заснуть на скучном уроке. Это раз,

вернее два, считая от финансово-отпускных секретов фирмы «Альбом».

На счет «три» Танечка Сергеевна поднесла и выложила на стол картинку. Самый последний номер журнальчика, его Тамара даже не видела, а очень жаль. Сам по себе «Альбом Былого» № 0784 не очень впечатлил, там шли стародавние и новомодные истории и анекдоты из контекста культуры, вкус иногда изменял, но не в том дело.

Там в «Альбоме», как и следовало, прилагались картинки, одна серия-комикс, она-то Тамаре была бы интересна. История велась о какой-то афере 18-го века, некая маркиза-графиня де Бурбон (если я не путаю с парфюмом) как-то раз лишилась фамильных жемчугов или сама к тому руку приложила. Никто не понял до сих пор, в этом состояла главная изюминка.

Тамара искусно изложила авантюрную историю графини-маркизы для любопытного неискушенного читателя, но не это требовало пристального внимания. Интерес представляли сопроводительные картинки к повести. В «Альбоме былого» пользовали новомодные способы развлечения публики и занятную сагу о графине-растратчице украсили серией ярких картинок, понаделанных дешевым способом. Смоделировали маркизу с жемчугами из костюмного реквизита и подходящей по типу модели, далее засняли в подходящем антураже.

Героиня криминального сюжета то сидела в беседке и

смотрела на нить из перлов, то бегала подле замка в расстроенных чувствах, а перлов уже не усматривалось, то уезжала в карете цугом и протягивала ручку ханыге в задрипанном костюме и обвислой шляпе.

Так себе замысел, следует признать, но важно, что графиню исполняла Тамара. То ли в шутку, то ли из экономии, то ли не знаю, зачем. Тамара нарядилась в реквизит и позировала в роли маркизы де Бурбон. Смотрелась вполне в образе, тип позволял, особенно изящно выглядела шляпка с роскошным пером из белого страуса. Татьяна обратила внимание, как Тамара удачно вписалась в роскошный антураж, словно всю жизнь проходила в графинях, однако наблюдателю, то есть мне, померещилось иное.

Выражение лица у клиентки в роли графини показалось странным, если не сказать большего. Вот как если бы Тамара знала, невзирая на исторические изыскания и сомнения, что эта самая дамочка де Бурбон свистнула побрякушки, а потом напустила на себя скупающий вид, мол, какие пустяки, однако! Хотя, не исключено, что у модели та самая гримаска получилась непроизвольно. Но вышло занятно.

Кстати сказать, изображение клиентки появилось в моем поле зрения впервые и весьма в непростой оправе: из перьев и авантюрной истории про маркизу де Бурбон, или как её там. Оправа Тамаре пошла, смею заметить. Экстерьер наблюдался более или менее, но подходящий для графини, хотя никто не назвал бы Тамару красоткой в обычном смысле.

Как всегда, если ты графиня, то будешь изящная и изысканная, а если домработница, то тощая бледная немощь, это как посмотреть. Наверное, в роли сборщицы хвороста у порога замка, Тамара смотрелась бы классово-изможденной и страждущей. Зависит от антуража.

Под занавес подруга Таня скупно упомянула, что первым мужем и отцом Анечки был некий Лекс Шубин, с которым Тамара разошлась почти сразу. Но о нем речь в устных мемуарах почти не заходила, Тамара его поминала только как отца дочки Ани, а во всем прочем числила ошибкой молодости. Хотя простительной...

Вот такие пироги в «Альбоме», как сказал бы Гриша Добросеев, не тем будь помянут. Далее в обратном порядке.

файл «лекс»

...Лекс Шубин, Гомер патриархальных ценностей, увы, не подвластен переложениям, его придется цитировать записями по памяти, что тяжело, но необходимо. Данный адепт «Домостроя» был найден не без усилий в одном издательском доме, который он сторожил. Привычки умирают тяжело, как в стародавние времена Лекс работал сторожем в столовой, а в свободное время предавался самообразованию, то и в новейшие времена остался верен призванию. Но в том издательском доме, где господин Шубин несёт охранную службу по ночам, он теперь иногда публикуется. Читать не получи-

лось, написано излишне наукообразно, посмотрела и сразу впала в ступор.

Так вот, выглядит наш герой, как положено ученому сторожу. Общий вид диковатый, но отменно достойный – ватник, борода, усы, обильные речи, пересыпанные терминами и образами. В целом весьма симпатичный малый, стало понятно, на что купилась Тамара во времена мятежной юности, далее из обильных и страстных речей бывшего мужа стало ясно, почему ей вскоре надоело. Итак, страсти по Лексу, ночь, чай, полуподвал и дождь за окном. Цитирую в обрывках, весь объём не потянет никто из живых.

...В целом Тамара всегда смотрелась, с самого первого взгляда, как девица немассовидная и осмысленная, ей важно было понять, дойти до самой сути, осознать своё место в мире. Конечно, такие качества в девушке надлежит приветствовать, я всегда восхищался, хотя иногда бывало утомительно. Все-таки девушка, могла быть податливее, а тут все время диспуты и прения сторон. (тезис № 1)

...Не знаю, удобно ли вам, как женщине слушать, но это важно, иначе, зачем бы вам приезжать. Если вы взялись искать Тамару, то нужно знать её главное заблуждение, из которого много чего происходило.

Понимаете, это в принципе закон природы действует, а не чьи-то выдумки. Женщина, когда она вступает в определенные отношения, ну скажем, в интимные, она уже изначально принадлежит мужчине. Их роли определяются довольно

строго: он доминирует, она пассивна и невольно подчиняется. Мужское начало, оно активное, а женское – пассивное, это закон природы, и нелепо против него бунтовать.

Тамаре это не нравилось, она всячески делала вид, что ничего подобного не существует, что даже в постели мужчина и женщина могут быть равными партнёрами, не говоря о прочем. Женщина должна подчиняться своему мужчине с радостью, тогда и будет гармония. А ведь была совсем юная девушка, просто не знаю, откуда она набралась странных идей и этого своего опыта, что непостижимо. (тезис № 2)

...Равные права и равные возможности – вот такой девиз она притащила в брачную жизнь, мыслимое ли дело? Люди в гости приходили, просто падали, когда видели на стене расписание: кто метет пол, а кто моет посуду. Да, именно такая табличка висела, как шахматный турнир. Своё белье, понимаете ли, каждый стирал сам, а общее – по очереди в платной прачечной или можно было менять на мытье сортира и ванны. Ну не сумасшествие ли? Я, разумеется, готов был помочь, особенно, когда мы Анечку ждали. Но вот так бессердечно, не по состраданию, а по праву...

К чему это я, а вот к чему. Знаете, я думаю, что если сейчас Тамара наконец встретила мужчину, который заставил пересмотреть доктрину и забыть обо всех воображаемых правах. Сказал – пойдём со мной, и она пошла, я тогда рад за нее. Хотя всем вокруг очень неудобно. (тезис № 3)

...Не могу сказать, конечно, что она меня не любила, нет,

это не так, но свои права она ставила выше, поступиться не желала. Вот пример, самый простой. По молодости она много курила, до Анечки. Такие сигареты были, «Камея», вот она эту «Камею» из рук не выпускала, хотя я-то не курил. Тогда мы снимали комнатку у старушки в подвале, около моей столовой. Курила на кухне, вот раз входит хозяйка и говорит: «Молодая такая, красивая, а куришь! Муж-то как позволяет, или не любишь его?» И что бы вы думали? Тамара ей серьёзно так отвечает: «Это разные вещи, мы оба свободные люди». Даже, по-моему, сказала не «люди», а «личности». Вот так и жили!

Старушка так и села, меня потом долго жалела, но отчасти презирала. Потому что я не настоял, а пожаловался в шутку, мол, что и вправду Тамара меня не любит. Любила бы, как полагается, то и «Камею» отставила. В принципе хозяйка была полностью права, выразила цельную мысль. Если женщина любит, то слушается. (тезис № 4)

...Насчет нынешнего мужа, Гриши Добросеева, так я думаю, что у них в ранней юности именно эта коллизия и произошла. Был роман, но Тамара настаивала на свободе и независимости, он обиделся и не стал мириться. Потом женился на её сестре, милая была девочка, в рот ему смотрела, вся сияла – даже вспомнить приятно.

Представьте себе, они ходили парочкой к нам в гости, даже до свадьбы. Я знал, что этот Гриша на Тамару претендовал, потом перешёл к сестре Инне. Так вот они не стеснялись

к нам ходить, хотя Гриша меня не жаловал. Но мне-то какое было? Кто же знал, до каких степеней у них отношения заходили? А он сидит у нас за столом и чай пьет!

Я попробовал с Тамарой объяснить, что это неловко, а она заговорила про деревню Ступино, где я родился, в ближнем Подмосковье, вообще-то посёлок. Мол, в деревне Ступино, это невообразимо, а в столице нашей Родины немножко другие правила жизни. С таким высокомерием. Как будто я и есть мужлан из деревни Ступино, ей, мол, стыдно указывать на очевидные вещи, неприглядно как-то вышло. А сама...

Ну вот кстати, другой пример из той же серии, судите сами. Вот у нас Анечка родилась, месяца ей не было, жили в хрущевке, в коммуналке на первом этаже. Это Зорины-Рощинские выкроили ей на бедность, когда мы женились, но я вовсе не об этом.

Зима, метель, почти ночь на дворе, за окном метёт выюга, из окон поддувает, я глажу детские вещички, пеленки там, кофточки. Тамара сидит с полотенцем на голове, переводит цитаты и печатает. Ну ладно, это был мой реферат, но она язык лучше знала, печатать умела. Я, тем не менее, пелёнки гладил, не отлынивал.

Вечер, снег, семейная идиллия в коммуналке, Анечка спит в кроватке. Вдруг звонок, затем соседка в дверь стучит, мол, к Тамаре гости, просят выйти. Не буду говорить, что следовало делать, но Тамара мигом снимает полотенце, на-

кидывает платок и высказывает в коридор, слова не обронила. Потом слышу, входная дверь хлопнула, но Тамара не вернулась, и на вешалке шуби нету, захватила с собой. Однако вышла в тапочках. Соседка-ведьма с большой радостью доложила, что, мол, к вашей Тамаре пришел мужик в дубленке, она выскочила, оба в подъезде на приступочке сидят.

Мужлан, кстати, из деревни Ступино, вышел бы прямо с утюгом в руке и попросил жену домой, это самое мягкое, вообще-то. А я продолжал гладить распашонки, хотя это мне не нравилось. А когда она вернулась, то ничего говорить не стала, только платок размотала и опять за машинку села, будто муж – пустое место. Ни ответа, ни привета.

Я тоже ничего не спросил, хотя в принципе догадался, кто это был. Тот самый Гриша, он потом к нам в дублёнке приходил, вместе с Инной. Как я понял, он, на ночь глядя, пришел заявить, что женится на двоюродной сестре, они этот вопрос обсуждали в подъезде не менее часа. И как это может понравиться? Но тем не менее...

Ладно, я ничего не хочу сказать плохого даже про Гришу. Его Бог наказал, но Тамара к нему вернулась и ребенка вырастила, как своего.

У неё не отнимешь. Как женщина она вздорная и вычурная, но человек надёжный, не жадная, не мелочная – чего нету, того нету. Вот хотя бы комната эта, как бы в противовес. Тамара давно ушла, площадь мне оставила, хотя могла иначе, до сих пор там живу, прописан, она выписалась,

когда развелись. И ни разу не заикнулась, что я ей должен, алиментов на Анечку не ждала и не препятствовала, когда я хотел видиться с дочкой. Вы Анечку видели? Жаль, девочка чудная, умненькая, но тоже с характером ой-ёй-ёй, хотя, может быть, муж обломает. Саша Гуревич, он технологиями торгует.

Ну, кто бы подумал, что у меня дочка за еврея замуж пойдет? Сам пока не привык, особенно когда о внуках подумая. Но парень хороший, очень основательный, хоть и делец, Аньку балует страшно. За институт платит, машину купил, по всему миру возит смотреть, с хозяйством не давит. А Тамаре – хоть бы что! Только жаловалась, что рано девочке замуж.

Это на свадьбе, меня тоже пригласили и чествовали. Можно подумать, что самой больше было, когда она из дома ушла со мной, родители меня очень не хотели.

Хотя, как я понимаю, вам эти подробности не слишком интересны, вам нужно знать, куда Тамара делась и не попала ли в беду. Я думаю – что нет, это у неё обычная блажь. Если с ней произошло неординарное, то я уверен, она пришла бы посоветоваться, я до сих пор там живу, где она оставила. Она знает, куда прийти.

Я, когда её искал... Мне случилось тут отъехать на несколько лет, потом не знал, где искать их с Анечкой, все переехали на новые квартиры. Я по старым адресам искал и нашел, там, где сестра Инна жила, покойная. Дом громад-

ный, сталинское барокко, над рекой.

От матери узнал, что там случилось, как Тамара за Гришу замуж пошла после похорон. Целый роман, кто бы написал, только я в какой роли, сам не знаю.

(На такой полуфразе обрывается «лекс», и файлы о Тамаре кончаются, остальное – не то...)

№ 3. Комментарии от того же утомленного лица

Птичка по зернышку клюет, вот и набралась целая корзинка, привет всем горячий! Как милое дитяtko Катя свои труды бросила, так их приняли, еще раз всех приветствую! Ко всему прочему гость-наблюдатель не поленился и прошелся глазом по бумажкам, каковые пришли от самой Тамары.

Но не более того, читать эту дребедень ничьих сил не достало, там валялись какие-то дневники с комментариями и подчеркиваниями, картиночки-открытки, таблички с инициалами, записки-переписки и даже дневник участника какой-то конференции в лаковом глянце, а внутри – просто черт знает что! То ли участницы играли в морской бой, то ли оценивали знакомцев по десятибалльной системе. А уж в каком аспекте, то вы меня извините, боюсь, что в самом неприличном, а ещё девушки!

Таким образом гость позволил себе бумажную труху отставить, чтобы сосредоточиться на том, что оттуда извлек-

ла детка-Катя, и посоображать, откуда Катенька весь неприличный мусор принесла. Зачем – ежу понятно, детка Катя вживалась в образ по системе некоего Станиславского, думала, что, как влезет в шкуру Тамары, так учует направление, в котором ту надлежит искать. Очень дельно, только ранее было правильно замечено, что искать дамочку совершенно ни к чему, более того, она сама активно возражала. Однако, увы, не гадостную ту Тамару мы сейчас ищем, вот в чём печаль, а детку Катю, она пустилась по следу, увлеклась, и нет ее с нами! Ужас без конца и краю!

Так вот, прежде чем сделать научный вывод из трудов, комментатор позволит себе сделать ненаучное, но очень серьезное предположение под нулевым номером, образ Тамары его достал!

Выкладка № 0!

Судя по тому, что выяснилось о чёртовой дамочке, нормальный сыщик без колебаний пришел бы с дружеским визитом к господину Добросееву, выставил на стол бутылку и сказал бы мягко.

– Дружище мой Гриша! Я тебя полностью понял и не заложу, но подскажи, болезный, куда ты дел тело? Она того заслужила, ты хорошо отыграл версию, что она сбежала, сказав невнятное «прости»! Но тело-то где у нас?

Как-то нечаянно Катя выложила мозаичный портрет такой убойной силы, что любой мужик приходит в содрогаение! И если бы Гриша сознался в содеянном, я бы его при-

крыл. Одна выходит неувязочка в соблазнительной версии зато кардинальная. И, увы, нету убедительной версии!

Псевдоним «Демон» Грише не подходит, его роль в несостоявшемся randevу на мосту «Багратион» не просматривается! Итак, простимся с соблазнительным лёгким решением и вернёмся к научным итогам.

Итог № 1.

Адвокат баба Люба верно угадала, что никто из опрошенных ни словечка не молвил о бесчинствах Тамары с наследством бабушки Полины. Катюша сама догадалась, что от нее утаивают некие секреты, но следовала инструкциям, не в своё не лезла.

Однако догадливой детке бросилось в глаза, что Тамара позировала для роли графини-растратчицы с большим удовольствием, дамочка вжилась в образ без колебаний, украсила собою журналчик и радовалась! Тому, как журнальные приключения графини де Бурбон соответствовали ее личному финансовому самоуправству.

Но это к слову, в целом данная линия почти не просматривается, по этим следам детка не ходила, вот что важно. Не на них её зацепили!

Итог № 2.

А где же? Вот в чём вопрос, тяжкий и мучительный. Где и каким образом наша детка Катя засветилась так, что таинственный Икс пришел в беспокойство, отследил Катюшу и стал звать на стрелку? Сначала на мост «Багратион», не тем

он будь помянут, потом вообще неизвестно куда и, увы мне, с концами!

Или то была сама Тамара, а у неё среди опрошенных затесался секретный информатор? И с бедной деткой разобралась сама Тамара? Я бы ничуть не удивился, имея в виду версию номер 0. Не в том смысле, что Гриша замочил супругу, а в том самом, что баба она кошмарная, но не о том сейчас следует думать и печалиться!

Конкретно надлежит раскинуть извилинами и вычислить, у кого из информаторов Катя залетела в засаду. Так же следует понять, почему она показалась опасной, чего она такого накопила, что ее стали звать на мост? Судя по донельзя небрежным текстам – ничего же особенного! Так сплетни, слухи, догадки с подробностями, не представляющие интереса ни для кого, кроме несчастного супруга Гриши, над которым ужасная баба чудила всю жизнь! Я бы на его месте, ну ладно, не будем... Но Катя тут при каких картах? Она-то кому помешала?

Вновь вернусь к адвокатской истории. Наша оперная дама пик, Любовь Борисовна думает, что Тамара могла исчезнуть с деньгами от продажи наследства, тогда сама не хотела светиться. А в помощь себе или немного хуже того, взяла пособников, они антиквариат толкали и охраняли в процессе купли-продажи. Вот если бы Катя раскопала что-то в этом роде, её могли остановить на горячих следах, позвали туда-сюда и вообще...

Не хочется думать о печальных итогах, но они были бы закономерны. Особливо, если Тамара сама просчиталась, и помощники по продажам ее давно пустили в расход, нота бене! В скорбных догадках имеется одно утешение, раз Катя ничего такого не нарыла, то слава Создателю, не в тех краях следует искать мёртвые тела!

Но что же тогда? Сколь наблюдатель ни тщился узнать, «брильянт почти не ви́ден», как говорилось в известной комедии!

Итог № 3.

Отвернемся тогда от ужасных последствий несбывшегося и обратимся лицом к товару, что имеется в наличии. Конкретно у Кати под столом, эти малопрстойные и невнятные записки, откуда они взялись? В данном разе разночтений практически не наблюдается.

Действуя логическим методом исключения, наблюдатель-аналитик исключил всех лиц, кроме одного. Представьте и подумайте, где искомая Тамара могла хранить мемориальный мусор сомнительного содержания? Не дома у Гриши Добросеева; не у Зориных-Рощинских, с которыми она в тяжбе из-за наследства; не на службе у какой-то Тани, чтобы не вводить ту в грех; и не у дочки Анечки, чтобы не подавать дурной пример.

Осталось на выбор две дамы солидных лет, родная тётя Ева и неродная, но очень свойственная Марианна. Не правда ли? Опять проведем процесс исключения по иным пара-

метрам. Исходя из того, что бумажки очутились под столом у Кати. Бьюсь об заклад, что прагматеръ тѣтя Ева ни в жизнь не рассталась бы с племяшкиной меморабилией, тем более, если оно бросает тень на Тамару. И ни в жизнь Катюша у Евы мусор не выманила бы, даже не узнала бы о его существовании. Не так ли?

Но старенькая Марианна – совсем другое дело, существенно другое.

К мачехе любимого внука, к загробной сопернице дочки Инночки, к любимой жене зятя Гриши и прочая, прочая, прочая – у бедной Марианны сложилось непростое отношение, невзирая на существенные заслуги Тамары. Заслуги старушка признавала и ценила, но ревновать от имени Инночки и своего личного не переставала. Поэтому могла поделиться тем, что у нее нашлось по части Тамары.

Вот пришла Катя спрашивать, Марианна выложила порцию устно, в довесок поделилась архивом от Тамары. Чтобы дознавательница могла войти в образ, узнала о сопернице много чего и поняла Марианну в амбивалентном отношении к благотельнице Тамаре. Ну, и чтобы внук Петенька не наткнулся на свидетельства бурной молодости любимой мачехи. Он бы расстроился, в особенности, если нелестно упоминается родный папенька...

№ 4. Гром и молния! Неожиданный итог...

...Вот так мы рылись неспешно и мыслили конкретно, глядя на архив и отчасти перебирая с отвращением, результат выходил мизерным донельзя, что не сопоставлялось с мрачной загадкой исчезновения и той, и другой персоны. И вдруг! Озарение в форме конкретной находки последовало, просто как удар грома и молнии!

Очень важный момент! Поворот на 180гр!

...Последовал небольшой перерыв в мыслях и действиях, возник порыв эмоций касательно бумажек, чёрт бы их собрал, и вдруг! Прямо посреди отчёта, писанного на месте, прямо посреди разных вольных мыслей...

И ещё того хлеще, между прочими открыточками-записочками в куче бумаг любовно хранится повестка в судебное заседание! Ни фиги себе!

Там значится, что некую Т. В. Зорину-Рощинскую зовут свидетелем на процесс по статье такой-то УК РСФСР, в случае неявки приведут под конвоем. Обвиняемые на данном процессе: некто К. Журавлев и некто Ю. Сарычев, вот они птички криминального полета! Статья, если никто не ошибся, запрещает мошенничество и предусматривает неболь-

шое, но веское наказание. Число, год и месяц дают представление, что нашей милой девушке Тамаре едва минуло 18 лет! Уже тогда благородная и более чем эмансипированная Тамара имела знакомства с чудесной публикой. Не значит ли это, что она неплохо знала, где брать ассистентов для продажи бабушкиного антиквариата? Что пернатые дружки, Журавлев и Сарычев, отсидели своё и теперь выступают в роли дилеров от искусства?

Это мысль, с ней спокойно можно идти к бабушке и трясти её на данный предмет! Она скажет спасибо, но не скажет, увы, причём тут наша Катя? Потому что Катя могла видеть документ-повестку, но могла и не видеть, секрет был тщательно упрятан в кармашки тетрадок, вылетел, когда наблюдатель энергично пнул кучу ногою! К сему же, Катя не знала, что вытворяла Тамара в сферах искусства, кроме как позировала в роли графини-мошенницы.

Итог уже заключительный. Как бы то там ни было, работа проделана не зря и вполне достойно. Для адвоката материала – хоть залейся, пусть сопоставит и учтет, след Тамары выявился, труп может тоже приплестись, если хорошенько потряхнуть мозгами. Гришу лучше оставить в покое, но...

Но старательная детка, наша прелестная Катя никак не встраивается в линию, разве что абсолютно случайно! Если она ходила по следам беглой Тамары и нечаянно попала в поле зрения нехороших людей, которые не знали, что она ищет, и, главное, на что Катя способна.

Однако у нас кроется некая надежда, которую изысканно сформулировал Павлик свет Петрович, когда высказался, что за спиною Катрин простёр крылья воображаемый ангел, многокрылый серафим. Он и впрямь имеет место, херувим-серафим, но зовется проще, а именно – Иван-дурак или, вернее сказать – Катя-умница! На широких крылах нашу детку несет сквозь любые бури и враждебные вихри, особенно, если ей невдомек, что она, собственно, творит. В данном случае, как было вычислено, ни сном и не духом.

Докладная записка по электронной почте ...день, ...число, ...час, зато без шапки, имени и обращения.

В дополнение от донесения за... число, срочно, тайно!

«Вышел айсберг из тумана!» – кодовое название.

Прошу срочного прощения за небрежность слога, поскольку некогда крайне, а также прошу столь же срочного содействия!

По поводу судебного документа за №... найденного а архиве Т., были приняты обычные меры, то есть документ представлен адвокату-мэтру, и она распоряжалась. Сведения получены через, Бог знает, какие руки, на совести у мэтра.

1. Тетка Ева сказала, что у Т-чки впрямь были неприятности в юности исключительно ради дружбы, она кому-то помогала по доброте души, а сама – никогда и не за что.

2. Сама мэтр ничего подобного не слыхала и подумала, что Ева права, иначе они бы Зорины-Рощинские попросили

её содействия. Логично.

3. Со старушкой М. состоялся телефонный допрос, та подтвердила, что архив у девушки-сыщика – её работа, потом доложила, что о повестке и судах почти ничего не знает. Знала покойная Инночка, брала сторону кухни и сочувствовала. Зорины-Рощинские, тем не менее, были в панике, клеймили Т. и жаловались, что дочь дошла до судебного лже-свидетельства. Дело было на первом курсе, вроде бы шалили студенты-сокурсники, Т. завертелась в вихре «гаудеамус игитур» и совсем утерjala голову.

Однако, подчеркиваю, не это важно и не это срочно! Непонятно откуда слетела безумная идеяк сличить подобное с подобным, и возымелись плоды. Идеяка была такова: узнать, что в компетентных органах слышно насчет случайного трупа у дверей Добросеевых. Вроде бы к слову, одно к одному с повесткой в суд. Обратились к инспектору Новожилову и получили ответ, прошу сесть и приготовиться.

Труп выяснился и называется К. Журавлев, проживающий там-то, а главное, что ранее судимый! В связи с вышеизложенным прошу настоятельного содействия по поводу выяснения уголовного дела минувших дней и тщательной проверки фигурантов в смысле их прошлого и настоящего. Какова причастность мадам Добросеевой, так же нужна санкция на розыск Сарычева Ю. из той же оперы. Хотелось бы точнее знать, жив он или напротив, и что может сказать интересного.

Свои личные соображения будут излагаться по мере получения информации, пока срочно нужен допуск в другие архивы, мотивировка понятна. И напоследок нельзя удержать вопля души: Мать вашу, нашу, адвоката и остальных, куда мы сунули нашу Катю, не глядя!

Ваш покорный слуга В. «Аргус» ждет срочного ответа.

По электронной почте «Аргуса», директору лично в руки
...число, ...месяц, ...час.

«К большому и прискорбному сожалению, данные по архиву закрыты, к ним проявлен интерес повышенного свойства из структур, наложивших строгое вето на чужие розыски. В качестве любезности прошло сообщение, что одного из фигурантов ищут и более чем тщательно, однако секретно. Выказана признательность за оперативную помощь. Еще раз сожалею.»

**№ 5 комментарии неизвестного
непосредственно после прочтения
краткого послания без подписи**

...Кого ищут-то, хотелось бы знать – дальше пойдет рифма без цензуры.

Одного Катя нашла, или они до нас не осознали? Мастера, знаете ли, тайных дел (опять рифма), так кого ищут казённые орлы-стервятники? Обоих сразу, что ли? Второго фигуранта

с птичьей хищной фамилией или его же на пару с Тamarой? Ох, томно мне и гадко совершенно!

Не станут ли они заодно искать заблудшее дитяtko, нашу прелесть Катю? Еще один вопросик: не от них ли Катюша прячется, тогда действительно не достанешь. Если ангел шепнул на ушко, что по следу идут суровые профессионалы, вот сейчас подберу рифму... Да, сдали мы Катю в аренду, побаловали детку приятным делом у милой старушки за чаем с баранкой!

Катюш, милое прелестное дитя, где ты, ау! Отзовись! Не дает ответа.

Тогда выпьем с горя, где же кружка, сердцу станет веселей, и перестанут мучить ужасные соображения, что может статься с дитяtkом, если она встретила того, кого ищут на секретном уровне. Неужели нас обоих встретили на мосту и распознали? И почему я такой лох, потерял у Кати доверие, вследствие чего...

Но стоит заметить, что сама-то Катя так легко не сдавалась, когда ей приходилось кого-то искать. Да, сидели мы как-то раз с подружкой в подвале у тети-убийцы, а Катя приехала и вынула! Ни времени, ни сил, ни здоровья не пожалела! А ведь совсем трезвая была, могла полениться, бедная детка! Но не поленилась.

Эй, добрая девушка-подружка на 0,75, что мы с вами делать-то будем, получив хамский ответ от дракона Паши? Он, видите ли, глубоко сожалеет, что подкинул наше дитяtko-

ко, черт знает куда, посредством своей чертовой бабушки! Очень глубоко он сожалеет, но ничего делать не будет принципиально, вот урод! Просится изощрённая рифма...

А мы с вами, милочка, мой главный агент «0,75»? Неужели настолько опустошены и раздавлены морально? Пусть прелестная детка пропадает, а мы будем ждать и смотреть? Нет, золотце мое, серебряный агент по кличке «0,75 литра», она же «фляга», мы с вами пойдем иным путем, как завещал великий Вова!

Мы пойдем, знаем куда, и сделаем, вот что... Мы знаем, чем конкретно криминальная Тамара торговала, мы догадываемся, что только там наше дитятко Катя так роскошно засветилось!

Оттуда мы двинемся танцевать, а дракону Павлику сделаем ручкой неприличный жест, пусть ему потом станет гадко и больно, что не уберег наше дитя, оставил на произвол судьбы и органов.

Может ли статься, что Катя оказалась умнее, чем думалось, что она раньше всех раскусила и спряталась? Хотелось бы... Однако уверенности что-то не хватает!

Пойдем-ка, друг мой серебряный, наполнимся уверенностью до самых краев, потом благосклонные ангелы укажут нам дорожку, где искать. Кого? Да, кого попало! По старинному правилу, ищешь в развале черный носок, а найдешь белую перчатку! Как у Кати дома.

Вот у них, у тех надлежащих органов, поэтому мало, что

выходит, они-то знают, что искать, и тем ограничивают себе поле деятельности.

А мы с милочкой подружкой, будем искать все, что имеется в наличии, авось что-то и сгодится! Кто не спрятался, мы не виноваты! И вперед, желательно с песней, старинной, но актуальной:

Мой костёр в тумане светит!
Искры гаснут на лету!
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на МОСТУ!

Итак, милостивые государи и прекрасные дамы, до скорого свиданьица. Там, на каком-нибудь, где-нибудь, через что-нибудь!

Глава четвертая

№ 1. Документальный оборот от разных лиц

Переписка с курьером, туда и обратно.

Меморандум в письме. Лично, хоть и секретно.

«Дорогой мой Павлик!

Даже не постесняюсь сказать, деточка, поскольку письмо никто, кроме тебя читать не будет. Деточка, ну разве можно так нервничать, ты у нас серьезный государственный муж, а на собачьей этой службе чего только не бывает! Каких совпадений, интриг и немыслимых ситуаций!

Жаль, что твой папа Петр Павлович не дожил до наших времён, он бы нашел, чем тебя утешить, пока почитай мудрую книгу о мудром царе Соломоне и о кольце, на котором было начертано: „И это пройдет!“ Ещё чуточку утешений, затем, не бойся, старая перечница перейдет к делу, я тоже болею душой за тебя и обеих девочек, не волнуйся. Так вот о папеньке твоём Пете, мы с ним сколько раз сталкивались и в службу, и в дружбу, несмотря на разницу в положениях.

Он был, как тебе известно, влиятельный генерал по секретным казенным надобностям, а мне, грешной, и молодой, и старой, всегда были понятней и интересней людские судьбы и тонкости толкования законов! Не раз, и не два, а гораз-

до больше мы оказывались в противодействии, чинили друг дружке препятствия, строили хитросплетения, считали очки в пользу и во вред. Всё бывало.

Но мы не вкладывали в игры личных удрученных или нехороших чувств, иначе ничегошеньки у нас бы не вышло. Также никогда в целях выиграть не пользовались запрещенными приемами. Он не давил государственной машиной, я не ябедничала начальству или иностранной прессе, наличные недоразумения мы решали келейно у вас дома за чаем, если ты помнишь.

И как ты думаешь, детка, отчего твой заслуженный папа Петя допускал общение своих наследников с такой опасной зверюшкой, как я, грешная? То-то, для объективности и расширения кругозора, чтобы вы сызмалу учились общению с достойным противником, а не полагались на дубину с устрашением. Как выяснилось, система дубины не сработала, нынче никто никого не боится. А если кто думает обратное, то скажу по секрету – подобный отскок ненадолго, имеются в виду исторические отрезки, а не сиюминутная злоба дней. Ну ладно, я заболталась по старости лет и ветхости, не сетуй, детка Павлик.

Теперь о делах, которые упали нам на руки. Я тут кое-что посмотрела и процедила сквозь старые извилины и новые связи. Да, братику передай привет и всяческое уважение. Действительно, отчего бы ему, вместе со службой не переключиться с внешней угрозы на внутреннюю, думается, что

организованная преступность вполне сравнима с внешней опасностью. Которая, к слову сказать, почти не опасность, кому мы нужны? И зачем? Нас дезорганизовывать не стоит труда, сами отлично справимся. Ну, ладно, я опять болтаю на письме. Извини, детка Павлик, адвокатская привычка, терпи, пока можешь.

Ну вот, мы и перешли к твоему братику, боюсь, что память подводит, он Петя или Володя? Или не тот и не другой, извини уж. Его запрос и твое беспокойство я оценила по достоинству, информация тоже не стала лишней. Как я поняла, у них произошло скандальное ЧП в связи с коррупцией, кто-то торговал архивными сведениями в широких масштабах. Они, то есть наши, выяснили, что спрос на архив пошел от некоей незаконной группировки с неизвестными целями. Там они и застряли. Только поняли, что опасные клиенты кого-то активно ищут по старым делам. По месту и времени судимости. Так ведь?

И вдруг твой помощник Валя несет нам сюрприз! Что один из двоих фигурантов: время и место судимости в точности соответствует запросу – нашелся в неживом состоянии у дверей квартиры, куда моя помощница Катя, тебе тоже знакомая, шла по моим сугубо штатским делам. Забавно, правда?

Не будем, однако, отбрасывать версии о фатальных совпадениях, отличным образом бывает и такое, на них нельзя строить доказательства, на процессе это не работает, совпа-

дения бывают самые немыслимые. Я продолжаю придерживаться версии, что мухи у нас отдельно, а котлеты еще отдельно, но в рамках сотрудничества и чтобы успокоить совесть дорогих мальчиков, я провела полусекретный опрос среди разношёрстной клиентуры.

Прямо скажу, что пришлось потрудиться и рискнуть репутацией своего человека, ну да где наша не пропадала! Дело наше правое, девочки мои того стоят. Так вот, за достоверность сведений ручаться не могу, потому что собирала крохи по зернышку и сплетни по крупичкам, но получила такую байку. Не знаю, из той ли оперы, опять возможны совпадения с наложениями.

Одни серьезные люди с большими деньгами и возможностями (кто бы это мог быть?) потеряли своего человечка, он сгинул из поля зрения вроде добровольно, но, не спросив согласия старших. А зачем-то им надобен. Загвоздка состоит в том, что мало кто знает парня в лицо, он давно убыл из родных краев, родичей не осталось, друзей-товарищей – того меньше, жил один, Бог знает, где именно, общался с названной группой минимально и избирательно, под разными чужими именами. Но в давнее время парень был судим по какому-то пустяку, а наши достойные органы всегда собирают много чего и хранят вечно.

Так вот я сделала смелый вывод, что неназванные друзья-товарищи стали искать, не столько самого пропавшего, сколько тех, кто мог бы его опознать даже через много лет.

Логично? Еще логичнее будет предположение, что в случае отыскания опознавателей, их будут беречь, как зеницу ока, а вовсе не мочить на лестнице. Не так ли? Или же, извини, главного героя уже нашли и разобрались по-свойски, тогда труп тот самый и был, который они искали, а вы нашли. Или как?

Однако поиск версий и доказательной базы – ваше дело, милые дети, отнюдь не моё. Тут мне с вами делать нечего, я могу лишь оценить достоверность и задать пару неудобных вопросов. Что и сделала.

Теперь, могу ли я считать, что помощь мною предложена и принята? Но вот кошмарные бульварные версии насчет причастия моих знакомых барышень к крутому криминалу я попросила бы отставить и забыть. Прошу поверить на слово, я в своей клиентуре как-никак разбираюсь.

Что касается приглашения на суд, то Боже ты мой! Неужели зазорно выступить свидетелем от защиты и рассказать обстоятельства в пользу подсудимого? Тем более, если это знакомый человек. Это я о девочке Тамаре, которую ты не знал, иначе бы не спрашивал.

Выступление в пользу подсудимого никого не делает соучастником, так думать – большое правовое заблуждение. Знаешь ли, детка Паша, я всегда чуралась людей, способных отвернуться от друзей, если тем не повезет с законом. По-моему, это непростительная трусость. Или, извини, рабская боязнь, что коготок увяз – всей птичке пропасть, и упаси нас

Боже, попасть в поле зрения судопроизводства даже в качестве свидетеля! Так что, извини, я боюсь, что не увидела резона в ваших доводах.

Просто ужас, какой длиннющий у меня вышел меморандум, но чистосердечный, если что-нибудь потребуется, то я всегда к вашим услугам, детка, вернее, детки. Да, продолжаю консультировать твоего помощника Вальку относительно Кати, хотя думаю, что одно с другим никак не связано. Поверь.

Любовь Кронина (с затейливым вензелем)

...число, ...месяц, ...год...»

Опять пакет с курьером и сопроводительной запиской.
Директору ТОО «Аргус» лично в руки.

Дорогой Валька, не в службу, а в дружбу!

Тут наметился натуральный обмен нематериальными ценностями, думается, что у вас не найдется возражений. Посылаю копию замечательного диалога нашей Катрин с инспектором Н-м.

Поскольку эта часть расследования стала очень значима, вас просят ознакомиться и произвести экспертизу, пока сама свидетельница недоступна. Хотелось бы знать ваше мнение, насколько она свободна в показаниях, и нет ли там противоречий с ее психологическим портретом. Мне напомнили, что Катрин оказалась последним свидетелем, видевшим

успокоившего живым и дееспособным. Умный поймет с полуслова...

Уверен, что таким образом мы будем способствовать возвращению Катрин в общество. В случае добросовестной экспертизы с вами могут поделиться информацией из архива, если вы продолжаете настаивать. Подчеркиваю, от своего имени я не предлагаю ничего. Кланяюсь.

(Диалог, мать вашу! Допрос и ответ! Это был краткий комментарий.)

Аудиозапись беседы Е. Малышевой с инспектором Д. Новожиловым.

Д. Н. (приятный мужской голос). – Число, месяц, год, присутствуют Дмитрий Новожилов и Екатерина Дмитриевна Малышева. Пишем.

Екатерина Дмитриевна, расскажите, пожалуйста, что произошло ...июня сего года, когда вы оказались по адресу... Куда вы шли и в какое время суток, приблизительно.

Е. М. – Данного числа того же года я пришла по указанному адресу к Григорию Добросееву, отчества не знаю, в 21 час пополудни, примерно или чуть позже.

Д. Н. – По какому делу вы шли к Григорию Добросееву, и хорошо ли его знаете?

Е. М. – Я совсем не знаю, вернее, не знала господина Добросеева, видела его впервые, точнее, пока не видела, когда

шла по данному адресу. А дело было личное.

Д. Н. – Извините, Екатерина Дмитриевна, я не совсем понял. Если вы утверждаете, что не знали господина Добросева, то какие личные дела могут быть?

Е. М. – Самые разные. Например, он мог вызвать меня по телефону для проведения досуга. Это личное дело, не правда ли? Однако в подобных личных делах никто никого обычно не знает.

Д. Н. – Так, следовательно, вы утверждаете, что прибыли к господину Добросееву для, гм, проведения интимного досуга?

Е. М. – Я ничего подобного не утверждала. Вы спросили, какие могут быть личные дела у незнакомых людей, я привела пример. Какие будут вопросы по делу?

Д. Н. – Хорошо, оставим. Продолжайте рассказывать подробно.

Е. М. – Спасибо, замечательно. Итак, я подошла к подъезду и не успела войти, как оттуда вышла девушка-маляр с ведром и предупредила, что внутри ремонт. Так и оказалось: пахло неприятно, стены были в пятнах, на ступенях лежала оберточная бумага. Я подошла к лифту, вызывала, но лифт не отзывался.

Д. Н. – Извините, я перебыю вас на секунду. Кто-нибудь еще в подъезде находился вместе с вами?

Е. М. – Около лифта никого не было, я на него плюнула и пошла пешком. На лестнице тоже никого не заметила, пока

не пришла на площадку того этажа, где предполагала нужную квартиру.

Д. Н. – Почему предполагали?

Е. М. – Потому что пришла туда впервые и не знала, на каком этаже искать квартиру, но по ходу дела вычислила. На площадке стояло деревянное сооружение малярного профиля, как раз посередине. И мне пришлось его обогнуть, даже протиснуться, чтобы приблизиться к квартире. Да, оно-то и заклинило лифт, потому что стояло частично внутри. Я подумала, что маляры хотели спустить инструмент вниз, но отвлеклись.

Д. Н. – То есть лифт стоял на этом этаже?

Е. М. – Именно так и было. А когда я протиснулась, то на площадку стал спускаться человек с верхнего пролета и заговорил со мной.

Д. Н. – Вы его хорошо разглядели? Что он сказал?

Е. М. – Разглядела плохо, почти никак, потому что очень внезапно, просто темная фигура показалась сверху и голос мужской. Не помню точно, что он сказал, вроде бы: «постой» или «подожди!»

Д. Н. – Это был незнакомый человек? Почему он обратился на «ты»?

Е. М. – Если бы я не знала, что он ушел в мир иной, то посоветовала бы спросить у него. В тот момент я не задумалась, просто стало не по себе, и я заспешила к дверям Добросеева, чтобы позвонить.

Д. Н. – Откуда вы знаете, что именно он, как вы выразились, ушёл в мир иной, вы это подозревали?

Е. М. – Уважаемый инспектор, господин Новожилов, сколько вам лет? Мне точно больше, не морочьте мне голову, если можно, не то я позову своего личного адвоката, который о вас хорошо отзывался. Или мы с вами работаем, или валяем Ваньку. Я, если вы заметили, добросовестно работаю, излагаю информацию четко и достоверно. И явилась к вам по первому звуку, чтобы помочь, не так ли?

Д. Н. – Вы мне хотите указать, как надо работать, Екатерина Дмитриевна?

Е. М. – Пока вы меня не слушаете, а пытаетесь поймать на противоречии с собою. Если вам это нужно, то ради Бога, мне только жаль времени. Но ничего сверх того, что знаю, я все равно не скажу, но что-то важное может выпасть, пока мы будем препираться.

Д. Н. – Ладно, я согласен, у вас своя методика, излагайте дальше.

Е. М. – Отлично, с того же места. Совершенно незнакомый человек мужского пола в виде неясной фигуры стал спускаться с лестницы и окликнул неопределенно. Это меня смутило, и я стала настойчиво звонить в дверь квартиры Добросеева. Если сказать, что я отчасти испугалась, то это не будет преувеличением.

Д. Н. – Расскажите подробно, как реагировал на ваши звонки Добросеев.

Е. М. – Без восторга, это точно. Спросил сквозь дверь, кто звонит, я сказала, от кого, и попросила открыть скорее. Он открыл и спросил, отчего такой трезвон. Я объяснила и указала на человека на площадке, тот почти скрылся, отошел, маячил, как силуэт в полутьме.

Д. Н. – Больше разговоров о нем не было?

Е. М. – Нет, сразу был. Как только Добросеев открыл дверь, он объяснил, что в подъезде ремонт, и все время кто-то шляется. Потом пригласил меня в дом и закрыл дверь. Я подумала, что это был один из маляров, может быть, нетрезвый, с ними такое случается. Ну и вид, насколько я могла разглядеть, был не слишком респектабельный, подходящий для маляра.

Д. Н. – Скажите, когда вы были в квартире, Григорий Добросеев не отлучался надолго?

Е. М. – Я и была недолго, полчаса, не больше, в основном он был рядом или ходил в соседнюю комнату. Брал лист бумаги и нёс мне.

Д. Н. – По личному делу? Бумага, а какая?

Е. М. – Белая, формата А4. Может быть, у меня вкусы извращенные.

Д. Н. – Это мне не важно, значит, не скажете, для чего бумага?

Е. М. – Нет, не скажу, это не предусмотрено протоколом. Это личное.

Д. Н. – Личное, так личное. Если прокурор захочет, то

пусть сам у вас уточняет. А вы расскажите, как нашли тело, когда уходили. Подробно поминутно, кто что сказал. И мы закончим.

Е. М. – Буду просто-таки счастлива. Ну вот, мы завершили с господином Добросеевым наши личные дела, и он стал провожать меня на выход. Открыл дверь, а там показались ноги. Он открыл настежь, и мы оба увидели, что давешний маляр сидит, прислонившись к соседской двери, и пребывает в бессознательном состоянии. Честно могу признать, что нам с господином Добросеевым пришло в голову лишь одно объяснение, мы решили, что незнакомец вконец пьян. Поэтому будить его не стали, я перешагнула через ноги, а господин Добросеев присмотрел, пока я не уехала на лифте. Лифт быстро пришел, малярской бандуры уже не было, куда она делась, я не знаю. Я уехала вниз, вышла из подъезда и больше о том не думала. Точка.

Д. Н. – Вы хорошо рассмотрели этого человека, когда он сидел?

Е. М. – И не думала даже, но у меня сложилось впечатление, что это был тот человек, кого я встретила при входе. Пьяных я вообще не терплю, поэтому сострадания к лежащему не проявила и не предложила ему помочь. Да, он сидел, свесив голову на грудь, лица почти не видела.

Д. Н. – Он вам не показался знакомым, странным или необычным?

Е. М. – Он мне вообще никак не показался, я подумала,

что это обычное явление. Упившийся ханыга заснул на лестнице. К сожалению, мы живем в мегаполисе и отчасти привыкли к контрастам.

Д. Н. – Спасибо, Екатерина Дмитриевна, у меня почти всё. Только один вопрос остался. Скажите, вы с господином Добросеевым обсуждали, что скажете на дознании?

Е. М. – А что, совпадаем? Так вам удобнее, двое незаинтересованных свидетелей говорят одно и то же.

Д. Н. – Нет, я имел в виду заранее, когда нашли тело.

Е. М. – Гражданин инспектор, Дима вы или Митя? Ну ладно, это не важно. За кого вы меня тут держите, милый человек? За убийцу или за полную идиотку? Так вот, смею заверить, что я не та и не другая. Насчет убийцы вам нужно доказать, что у меня нашлись резоны и способы умертвить несчастного. Насчет идиотки – поверьте на слово, ладно?

Д. Н. – Да нет, не надо обижаться, это я просто проверял. Понимаете, это просто другая версия, кроме общепринятой. Всякое бывает, а кроме вас с Григорием Добросеевым никто ничего не знал и не видел, я имею только ваши показания. Они совпадают практически дословно. Значит, это или правда, или сговор. И вы правы, пока я не докажу, что вы могли знать лично или питать неприязнь к потерпевшему, нам ничего другого не остается, как труп, висящий у меня на участке. Если пьяные что-то не поделили и разобрались, тодохлое дело. Соседка нашла тело у себя под дверями, тоже от него отказалась, она-то и вызвала. Бригада маляров за свое-

го не признала. Через площадку никого дома не было, хотя оттуда могло быть видно через глазок. Но и там пусто, никто толком не живет, никаких свидетелей, кроме вас. Остается думать, что зашел чужой человек, кто-то на него напал, или зашли вместе и произошло бытовое убийство на почве опьянения. Концов никаких. Вот я и пытаюсь отсечь иные версии, не волнуйтесь. Когда мы выясним, кто этот покойник, то ещё разок вас побеспокоим...

Е. М. – Бог с вами, Дима или Митя, что за каламбуры!

Д. Н. – Вы о чем, извините?

Е. М. – Да нет, это я так, извините. Покойник и беспокойство, это...

Д. Н. – Хорошо, тогда смотрите протокол опроса, если согласны, то подписывайте, ведь не будете сами составлять?

Е. М. – Ни за что на свете, вы чудненько за меня объяснились, пока мы с вами беседовали, стиль у вас милый, всем бы так.

Д. Н. – Спасибо, вот я вам всё подписал, до свидания.

Е. М. – Вы не обидитесь, если я лучше скажу – прощайте!. Нет, это будет слишком мрачно. Счастливо вам, инспектор. *(дверь хлопает)*

Д. Н. – Нет уж, лучше прощайте, ну вас к Богу в рай, Малышева Екатерина Дмитриевна!

Пакет с курьером обратно, в нем та же аудиограмма и экспертное заключение от ТОО «Аргус».

Всем, кого это касается от агентства «Аргус»
Секретно и лично

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**по материалам аудиограммы
допроса свидетеля Малышевой Е. Д.**

(в вольной форме, для доступности)

Дорогие товарищи и господа! Если вам интересно мое мнение о допросе свидетельницы Е. Малышевой по поводу прискорбной кончины неизвестного у порога квартиры г-на Добросеева, то я могу сообщить следующее.

а) Если кого-то смущает манера поведения госпожи Малышевой на допросе, то этот кто-то может не тревожиться, г-жа Малышева была абсолютно спокойна, свободна и в своем репертуаре. Если она дерзила инспектору и отказывалась отвечать на вопросы, то, как я понял, ранее имела место договоренность между инспектором и адвокатом. А именно. Что г-жа Малышева расскажет все, что знает, а инспектор не будет валять дурака и строить ей ловушки для умственно от-

сталых граждан.

Г-жа Малышева, как ей это свойственно, соблюдала заданные правила, но как только инспектор принимался за свое, она напоминала, что так не договаривались. В разных формах. То в виде абсурда, мол, что пришла по телефонному заказу провести досуг, то в виде прямого упоминания адвоката. Инспектор поиграл и понял, вследствие чего держался в рамках почти до конца, когда не смог сдержаться. Тогда он получил от г-жи Малышевой отповедь по форме: что, мол, это он должен доказывать её вину, если видит таковую, а она не должна доказывать ничего.

В данном случае г-жа Малышева сообщала инспектору, что полагает его и себя в правовом поле, не более того. А сбить себя г-жа Малышева не позволяет никогда и никому, как раз наоборот, полет её мысли вышибет рассудок у кого угодно, но это не умышленно, это свойство.

б) В дополнение к пункту «а» следует учесть, что отсутствие чинопочитания и пренебрежение к иерархии – также характерное свойство характера и способов общения г-жи Малышевой. Она не хотела обидеть инспектора Новожилова или затруднить ему работу, называя его «милым человеком», Димой либо Митей. Если кто-либо сделает попытку впечатлить г-жу Малышеву служебным или иным рангом, то он просто потеряет нить беседы и много времени, в лучшем случае это бесполезно.

в) Теперь разрешите перейти к полезным наблюдениям.

ям, каковые удалось извлечь. Они определенно имеются. А именно. Из рассказа объёмно представилась картина поведения г-жи Малышевой у дверей квартиры Добросеевых в тот момент, когда она обнаружила потерпевшего, на тот момент живого и невредимого. Г-жа Малышева в данном конкретном случае повела себя нехарактерно: бросилась к дверям и стала требовать, чтобы еёпустили. Сама она объяснила, что испугалась и заторопилась, поэтому звонила беспокойно, что заметил г-н Добросеев.

В любом ином случае подобное поведение нормально и допустимо, но не для г-жи Малышевой. Обычно её довольно трудно испугать, это еще одно характерное свойство, потому что она не сразу понимает, чего ей следует пугаться, так проявляется частично замедленная реакция. Могу даже сделать уточнение. Г-жа Малышева сказала следователю, что она испугалась, скорее для доступности изложения. Обычно она не боится, а удивляется, далее в результате удивления производит странные действия. Кстати, может стукнуть чем ни попадая, а потом объяснить, что это сработал семейный фатум, ей неподвластный.

В данном эпизоде заметно, что она более удивлена своим поведением, чем действительно испугалась незнакомца. Она употребляет обозначение «смутилась», что ближе к её обычной реакции. В обыденной жизни г-жа Малышева, будучи окликнута любым ханыгой непотребного вида, вступила бы с ним в беседу и обменялась полезной информацией. Даже

если контрагент имел изначальное намерения изъять ее сумку или кошелек, то обращение г-жи Малышевой смутило бы его до таких степеней, что он напрочь забыл о преступных планах. Подобные случаи бывали, общительность г-жи Малышевой не имеет пределов.

Исходя из вышеизложенного (надеюсь, что достаточно понятно было изложено), я склонен считать, что странное поведение г-жи Малышевой является реакцией на неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в тот момент на данном участке. Что вполне подтвердилось позже, когда неизвестный был найден убитым.

На площадке у дверей Добросеевых что-то затевалось, развивалось и происходило, отчётливо негативное, и г-жа Малышева уловила ситуацию внутренним чутьем, как это делают дети или животные. У неё, очевидно, в свое время произошла фатальная задержка в развитии, поскольку среди взрослых такой феномен почти не наблюдается.

г) Соображение последнее и не настоятельное, просто возможность.

Не исключаю варианта, что неизвестный, вернее, теперь известный, но вскоре оказавшийся покойным, мог принять г-жу Малышеву за г-жу Добросееву. Плохое освещение и общие контуры женской фигуры могли ввести его в заблуждение, в особенности, если именно г-жу Добросееву он ждал на лестнице. Однако он почти сразу осознал ошибку, потому не стал вступать в контакт, а отошел в тень, как г-жа Малы-

шева рассказала.

Когда г-жа Малышева бросилась к двери и закричала «откройте!», затем представилась хозяину, то возможное заблуждение сразу рассеялось. Следует взять во внимание, что этот тип мог не видеть г-жу Добросееву много лет подряд, отсюда его неуверенность и колебания. Наверное, следует сличить общие контуры обеих женщин и сопоставить, имеется ли хоть отдалённое сходство. Если нет, если г-жа Добросеева крупная брюнетка или рыжая карлица, то прошу прощения. Ночью при плохом освещении все кошки могут показаться серыми и на одно лицо.

д) Хотелось бы в ответ на проявленную любезность получить на основах взаимности хотя бы выжимку из дела, где фигурируют действующие лица, живые и мертвые. А так же их дальнейшие жизнеописания, если имеются в наличии. Чужими, организованно-криминальными тайнами никто особо не интересуется, пусть будет просто вольный рассказ, если найдётся рассказчик.

С тем и остаюсь

Эксперт «Аргус»

...число, ...месяц, ...год.

№ 2. Еще один пакет с курьером по знакомой дорожке

Сопроводительная записка, в точности, как и было рань-

ше.

«Дорогой Валя!

По вашей настоятельной просьбе высылается один из фрагментов расследования, он должен вас удовлетворить касательно ваших интересов. Запись произведена недавно, слово предоставлено потерпевшему, ныне находящемуся в полном здравии и покое.

Также довожу до вашего сведения, что экспертиза сочтена полезной и достаточной. Но мы побудем в тени, договорились?

Без подписи»

Опять аудиорассказ, не очень хорошая копия.

«...Ну ладно, как договорились, меня зовут Владимир Ямщиков, 1955-го года рождения, сейчас проживаю по адресу... рассказываю добровольно, без условий и обязательств.

Как точно – это как помню, за doskonaльность ручаться не могу. Начну сначала, с 19... года. Зимой того года я вернулся с нефтепромыслов в Тюмени, где заработал немного денег, сами знаете, как это бывало. Жил я тогда у родителей, пока никуда не устроился, а деньги хотелось потратить с толком, чтобы разом не разошлись по дурости.

Надо сказать, что, будучи в Тюмени, я упустил возможность привезти с собой машину. Там это легко оформлялось для нефтяников, а вообще в то время, как помните, это было сложно. Просто так машины не покупались, только по организациям. В Тюмени мне бы пришлось за этот ордер еще

немного потрудиться или по-другому уволиться. Какая-то сложность выходила с отпуском, а мне хотелось уехать поскорее, вообще сгруппил, поторопился.

Когда приехал в Москву, то обнаружил, что дело это трудное, или надо брать поддержанную и приплачивать, а я хотел новенькую, ведь полных четыре года там вкалывал, в чертовой дыре. Ну, это не важно. Ну, покрутился я туда-сюда, подёргал за разные веревочки, искал путей – и никак. Стало обидно, я даже с работой повременил, хотел сначала занять машину, обязательно „Жигули“ или лучше „Волгу“. Вроде идеи фикс она стала, эта покупка машины.

И вот, уже не помню как, но вышел на человека, он твёрдо обещал, что если постараться, машина скоро будет, только чуть-чуть денег выложить. И даже не ему. Правда, не очень хорошо помню, как на него вышел, то ли сам нашел по объявлению на столбе, или кто-то мне посоветовал, вот вылетело и всё тут. Но уже настала весна.

И вот он, этот человек, Костя Журавлев (никогда не забуду ни имени, ни фамилии и других тоже) хороводился с компанией, дела они делали между гулянкой, весело, с такси и шампанским. Там было двое студентов муж с женой, молоденькие, из ветеринарной академии, специалисты по разведению пушных зверей, почему-то их запомнил, приятные такие ребята, простые, веселые. Еще один парень, звали Юлий Сарычев, не Юрий, а именно Юлий, он настаивал, что как Цезарь. Тот вроде бы тоже машину хотел, ему обещали, день-

ги он с Севера привез, рассказывал байки про приключения, но всегда вроде бы секретные. Мол, его за что-то попросили со службы, он уволился, а машины – не достал! А без машины Тамара на него смотреть не станет, это так он шутил.

Тамара эта была совсем молоденькая, хорошенькая, как картинка, студентка вроде бы, но чего – не помню. Такая из себя породистая, с характером, одета модно, никого из них не выделяла, только с девушкой они дружили, болтали, смеялись. Парни, Костя и Юлий, с ней обращались почтительно, она же всегда немножко свысока, беседы о разном, модном и умном, заслушаешься, но мне как-то всегда неловко с ней было. Ну, не знаю.

И главное, что ходили к одному товарищу постарше. Звали Леонид, жил в „пьяном“ доме на Новокузнецкой. Ну, тот дом, который весь зигзагом. У него очень славная квартира была, богатая, ничего не скажешь, жил один со старенькой мамой, она не появлялась. Ходили к нему всей компанией с шампанским, он гостей принимал, и Костя говорил, что именно Леонид устроит дело с машиной, но сам он об этом никогда не упоминал, только через Костю. Вроде у него знакомый в каком-то министерстве распределяет машины для ветеранов, может устроить, но конечно, не за просто так.

Для начала я сел с ним играть в карты, с Леонидом, а они вообще хорошо играли, парни, конечно, на деньги. Особенно студент из ветеринаров, тот вообще был факир. Костя подсказал, я тоже сел и проиграл Леониду пять сотен за

два вечера, это вроде как задаток. И Юлий Сарычев, он тоже здорово проигрывал и делал вид, что очень огорчается, как в театре, девицы смеялись, подначивали.

Этот Леонид, он вроде положил глаз на Тамару, но она не привечала его, обходилась очень свысока, хотя совсем молоденькая. А он, этот Леонид, вроде был доктор-гомеопат или на телевидении служил, делал передачи про здоровье, говорил, что у него влиятельных людей – как грязи, только свистни, все лечатся.

Ну вот, я проиграл денежки для задатка, и тут же Костя сказал, что надо готовить ещё столько же для того мужика, который будет ордер на машину делать. Но тот сам не появится, работает только через посредников, Костю и Леонида. Это понятно, я же не ветеран, приготовил деньги, только сказал, что хотелось бы гарантии, не полный же лох, как теперь говорят. Костя не обиделся, сказал, что, конечно, он сам всей душой, так дела и делаются. Он даст в залог равноценный документ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.